229.

= Tiempo Empleado =

IX-3701

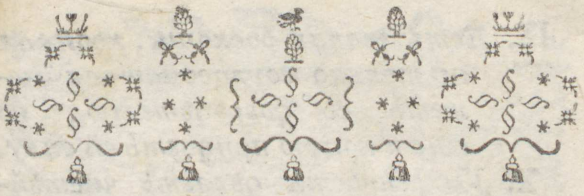
Б.Л.214 А 193

18 8 —
320
18. 75. 6

О БЛАЖЕННОЙ
или
БЛАГОПОЛУЧНОЙ ЖИЗНИ,

СЪ
ПРИЗАВЛЕНІЕМЪ
РАЗСУЖДЕНІЙ
О
ПРІЯТНОЙ и ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ ЖЪ
ИЗЪ
ФИЛОСОФІИ
ЗДРАВАГО РАЗСУЖДЕНІЯ
ГОСПОДИНА
МАРКИЗА д' АРЖАНСА
переведено
СЪ
НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА
Николаемъ Вонлярь-Ларскимъ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
1769. года.



ПАРАГРАФЫ.

I. *Что древніе писатели о блаженной, или благополучной жизни разсуждали.*

II. *Въ чемъ состоитъ истинное благополучіе.*

III. *Въ какихъ случаяхъ состояніе свое перемѣнять дозволяется.*

IV. *Истинное благополучіе не отъ насъ зависитъ.*

V. *Какимъ образомъ въ жизни наиспособнѣйше здѣлаться можно благополучнымъ.*

VI. *О недостаткахъ той жизни, которая въ свѣтской суетѣ препровождается.*

VII. *О недостаткахъ уединенной жизни.*

VIII. *Обходясь въ свѣтѣ съ знатными людьми, трудно быть благополучнымъ.*

IX. *Есть такая роскошь, которая не только согласопатьсѧ можетъ съ добродѣтелію, но еще и нопую придаетъ ей силу.*

X. *Умѣренность дѣлаетъ чистѣйшимъ и непрерыпнымъ истинное удопольствіе.*

XI. *Истинное благополучіе не можетъ быть безъ умѣренности.*

XII. *Обиды позабыпать, а злыхъ и глупыхъ людей пъ презрѣніи имѣть должно.*

XIII. *Стараніе потребно, чтобъ испрапить нашъ разумъ къ нашему благополучію.*

XIV. *Хорошее избраніе друзей, также благополучію нашему споспѣшествуетъ.*

XV. *Избраніе жены по всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ участіе имѣетъ; слѣдственно и самому благополучію нашему служитъ подпорою.*

XVI. *Не боятьсѧ смерти, ея не страшитьсѧ, заблагопременно ожидать безъ желанія продолженія и безъ страха прекращенія жизни предлагается слѣдующей способъ.*

§. I.

§. I.

ЧТО ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ О БЛАЖЕННОЙ, ИЛИ БЛАГОПОЛУЧНОЙ ЖИЗНИ РАЗСУЖДАЛИ.

Древніе Философы, которые о нашихъ вещахъ писали, которыя жизнь нашу блаженною или благополучною учинить могутъ, всѣ вообще слѣдовали Метафизическимъ понятіямъ. Они не принимали разсужденій простой натуры, но чрезъ силу ихъ воображенія въ то устремились, и истинное блаженство здѣлали пустымъ воображеніемъ, которое въ одномъ только ихъ разумѣ состояло. Они хотѣли человѣка уподобить Божеству, и утверждали, что его блаженство единственно состоитъ въ одной только любви къ добродѣтели, такъ что всякой добродѣтельной, хотя бы и былъ умѣсняемъ какими злополучіями, однако всегда онъ есть благополученъ. Чрезъ все-

дневные опыты сїи мнѣнїя совсѣмъ опровержены, и самые добродѣтельнѣйшїе люди чувствуютъ и признаются, что они весьма неблагополучны, и жесточайшїя печали претерпѣваютъ. И то есть справедливо, что добродѣтель въ сей печали бываетъ имъ утѣшеніемъ, и сносить оную помогаетъ имъ крѣпость; однако они всегда ея чувствуютъ, и хотя оную принимаютъ какъ судьбу, отъ которой избѣжать не могли; однако сїе терпѣнїе не можетъ быть имъ нечувствительно, и они никоимъ образомъ, не смотря на всѣ Философскїя увѣренїя, не могутъ себя почитать благополучными. Сїе весьма удивительно, а не хочу я того сказать, что безразсудно: когда одинъ человѣкъ желаетъ уговорить другаго, что онъ ничего не претерпѣваетъ, хотя жесточайше страждетъ; что онъ богатъ, хотя въ крайнѣйшей находится бѣдности; что онъ веселъ, хотя почти истаеваетъ отъ печали, и однимъ словомъ, что онъ совершенно есть благополученъ, хотя по самой истинѣ онъ есть злополученъ.

Стоическїя разсужденїя о совершенномъ блаженствѣ, или благополучїи мудраго человѣка, были не только несправедливы, но и здравому разуму противны; и я не могу понять того, какъ такїя пустыя воображенїя, каковыя Философы о блаженствѣ

ствѣ имѣли, не могли лишить ихъ всей чести у людей разумныхъ. Какой же человѣкъ ясно усмотрѣть не можетъ, когда въ разсужденіяхъ справедливость и ложь похочетъ извѣсить, что ничего съ справедливостію несходнаго, какъ только одни разсказы. Представляетъ намъ Цицеронъ, когда онъ во второмъ своемъ Парадоксѣ доказываетъ, что тотъ, кто добродѣтель имѣетъ, все то при немъ находится, что къ блаженству есть потребно: „тѣ, которые безумны и недобродѣтельны, говоритъ онъ (1), не могутъ ожидать „благополучнѣйшаго состоянія; напротивъ того тѣмъ, которые добродѣ„тель, мудрость и крѣпость имѣютъ, „не можетъ случиться худое и небла„гополучное состояніе„. Возможно ли утверждать такое мнѣніе, котораго несправедливости мы сами въ себѣ столь сильное и явное чувствуемъ доказательство? Кто жъ можетъ принудить кого оспорить, чтобъ со всею возможною премудростію и добродѣтелью страдать было не возможно? Усмиряетъ ли премудрость ту чувствительность, которую каменная болѣзнь причиняетъ? Изцѣляетъ ли добродѣтель

(1) Quamobrem, vt improbo, et ſtulto, et inerti nemini bene eſſe poteſt; ſic bonus vir, et fortis, et ſapiens, miſer eſſe non poteſt. Cicer. *paradox.* 2.

тѣ болѣзни, которыя чувствуютъ больные отъ подагры? Премудрость и добродѣтель обезпокоенными сими болѣзньми, не больше спомоществуютъ, какъ только что они съ меньшею прискорбностїю, а нежели другїе сносить ихъ могутъ; однако тѣ болѣзни пребывают всегда болѣзньми, и тѣхъ, которыхъ они обезпокоиваютъ, дѣлаютъ неблагополучными, и совершени неблагополучными.

Заключенїе, которымъ Цицеронъ доказать намѣренъ, что добродѣтельные худаго и неблагополучнаго состоянїя ожидать не могутъ, есть одинъ только пустой паралогизмъ: и я удивляюсь, что такой великой человѣкъ, какъ Цицеронъ, употребить его не постыдился. „Кто для „своихъ нравовъ и добродѣтели, говоритъ „онъ (2), есть похваленъ, тотъ находится въ драгоцѣнномъ состоянїи. Драгоцѣннаго состоянїя не должно ни убѣгать ни бояться; а надлежитъ опасаться „такого состоянїя, которое есть бѣдно. И такъ всякое похвальное состоянїе, не есть бѣдно, но есть цвѣтущее „и

(2) Nec vero, cuius virtus moresque laudandi sunt, eius non laudanda vita est; neque porro fugienda, si esset misera. Quamobrem quid quid est laudabile, idem et beatum et florens, et expetendum videri debet. Cicero. *paradox.* 2.

„ и благополучное : слѣдственно и желать „ его должно „. Цицеронъ смѣшиваетъ здѣсь вещи, которыя должны бъ были быть между собою раздѣльны. Хотя состояніе добродѣтельныхъ людей, въ разсужденіи пребывающей въ нихъ добродѣтели, есть похвально и почтенно; однако не слѣдуетъ изъ того, чтобъ оно было желаемо, когда есть бѣдно по другимъ обстоятельствамъ, какъ то часто случиться можетъ, оно есть бѣдно. Злополучны, которымъ добродѣтельнѣйшіе люди изнуряемы бываютъ, есть такимъ истиннымъ злополучіемъ, какъ и оное, которымъ подозрительные люди страждутъ. Они чувствуютъ болѣзнь лихорадки, неспокойства отъ холоду и жару, отъ жажды, отъ голоду и отъ безсонія : однимъ словомъ, они равно подвержены всѣмъ тѣмъ крайностямъ и болѣзнямъ, которыми отъ натуры всѣ люди страждутъ. Въ нихъ живущая добродѣтель не можетъ быть препятствіемъ, чтобъ ихъ состояніе не было иногда злополучно и такого содержанія, что больше его бояться, а нежели желать можно. И такъ всѣ заключенія Стоическія несильны перемѣнить натуры злополучія, но оно всегда останется само въ себѣ злополучнымъ ; и такъ ихъ разговоры есть одно только пустое обмораченіе, которое не многаго кого, какъ только того обманутъ но-

можетъ, кто жилъ всегда благополученъ и въ довольствіи, и притомъ никогда или весьма мало, да и то легкимъ и почти нечувствительнымъ образомъ, чувствовалъ неудовольствія и болѣзни. Нимало нѣчему удивляться, что такіе люди чрезъ плѣняющія Стоическія разсужденія уловляются, и чрезъ ихъ великолѣпныя предложенія обманывать себя допускаютъ тѣмъ, что имъ кажется, что о добродѣтели преимущественное понятіе они имѣютъ; хотя сіе понятіе по своему основанію есть вредное тѣмъ, что они добродѣтель столь высоко поставляютъ, что ея ни одинъ человѣкъ достигнуть не можетъ.

Нравы Стоическіе имѣютъ великое вліяніе въ ихъ мнѣніи; они потолику утверждаютъ или опровергаютъ какое мнѣніе, поелику льститъ оное ихъ самолюбію. И какъ они многою суетою наполнены были, то желали они за такихъ отъ людей быть почитаемыми, которые съ прочею толпою людей смѣшиваны быть не должны. Они старались признаваемы быть за полубоговъ, которые неподвержены человѣческой бѣдности, и имя добродѣтели, которое они безпрестанно во всѣхъ своихъ разговорахъ мѣшали, должно было служить къ подтвержденію ихъ мнѣній. Они были подобны Фарисеямъ: они свою гордость, честолюбіе

и прочія намѣренія покрывали покрываломъ сильной любви къ скромности: и ихъ премудрость была ни что иное, какъ одинъ только искусной обманъ. Философы вообще людей больше повредили, нежели имъ были полезны; и тѣ, которые нынѣ имъ слѣдуютъ и прилѣжатъ, чтобъ утвердить ихъ таковыя ложныя и дивныя мнѣнія, худое о Философіи у справедливыхъ людей налагаютъ имя: тѣ, что званіе Философа налагаютъ такимъ людямъ, которые пустыя воображенія предаютъ за существенныя нравоученія части.

Сенека написалъ одинъ трактатъ о благополучной жизни. Въ семъ сочиненіи есть много примѣчанія достойнаго тѣмъ, что сочинитель безконечно имѣлъ его много; однако въ разсужденіи ложныхъ мнѣній, которыя тамъ утверждалъ Сенека, оно наполнено не малыми погрѣшностями. Сіе извѣстно, что самую худую вещь разумомъ защищать можно; и сіе по нещастію случается отъ ученыхъ людей весьма часто. Бо́льшая часть ихъ старается больше угодить, мучущимися въ глаза заключеніями, нежели твердыми основаніями. Всякой человѣкъ, которой бы искалъ въ сочиненіяхъ Сенекиныхъ посредства, чтобъ быть ему благополучнымъ, но въ нихъ не сыскалъ бы ничего инаго, какъ одно невозможное къ исполненію ученіе

и увеселеніе, которое столько жъ несносно, какъ и самая печаль. И потому-то одинъ изъ лучшихъ Стихотворцовъ справедливо сказалъ: „Гомеръ услаждаетъ „мою жизнь чрезъ свои пріятныя предста„вленія; а Сенека огорчаетъ мои мысли „чрезъ его суровое ученіе; Епиктетъ съ своимъ краснорѣчіемъ о высочайшемъ блаженствѣ пускай мнѣ проповѣдываетъ сколько хочетъ; однако „нахожу я, что сей утѣшитель печальнѣе, нежели какъ самъ я„.

§. II.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ.

Описаніе Стоиковъ о истинномъ блаженствѣ, наипаче по тому несправедливо, что они блаженство въ одной только вещи поставляли; хотя къ тому и другія многія требуются вещи, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ быть благополученъ. „Нѣтъ инаго благополучія„, говоритъ Цицеронъ (1), какъ только „честность и добродѣтель: и нѣтъ иной „блаженной жизни, кромѣ той, которая „съ однимъ или другимъ изъ вышеписанныхъ согласуется„. Сей философъ имѣлъ

(1) Profecto nihil eſt aliud, bene et beate viuere, niſi honeſte et recte viuere. Cicero. *paradox.* 1.

имѣлъ бы справедливость, когда бы онъ утверждалъ, что безъ добродѣтели не можетъ быть жизнь блаженная; но онъ утверждаетъ такое нѣчто, котораго несправедливость видимъ и чувствуемъ мы повсядневно, тѣмъ что онъ увѣрить хочетъ, что добродѣтель есть только одна единственнымъ благополучіемъ, и что она одна достаточна жизнь нашу блаженною здѣлать. Мы уже видѣли выше сего, что человѣкъ добродѣтеленъ, а притомъ и злополученъ быть можетъ; и я не хочу съ пространными доказательствами изъясняться о такой вещи, о которой увѣрены всѣ добродѣтельные люди. Человѣкъ, которой все свое имѣніе потеряетъ, которой съ сумою таскаться долженъ, которой видитъ своихъ дѣтей казнимыхъ палачевою рукою, которой единственнаго своего друга при разбитіи корабля потеряетъ, которой поноснымъ жены своей житьемъ обезчещенъ будетъ, которой дочь свою отъ обманщика похищенную видитъ: такой человѣкъ можетъ ли быть названъ благополучнымъ, и чрезъ одни только свои добродѣтели можетъ ли вкушать жизнь совершенно блаженную. По истинѣ такія мнѣнія пристойнѣе имѣть несмысленному человѣку, а нежели философу. И потому такой человѣкъ, чтобъ быть ему благополучнымъ,

долженъ быть худымъ отцомъ, худымъ другомъ, и худымъ мужемъ, и такимъ, которой ничего въ себѣ чести не имѣетъ. Стоической мудрецъ, котораго одна только добродѣтель дѣлаетъ благополучнымъ, долженъ представлять такого виду почтенную персону.

Истинное благополучїе состоитъ въ трехъ вещахъ: 1. чтобъ мы не имѣли въ себѣ ничего наказанїя достойнаго 2. чтобъ мы то состоянїе, въ которомъ намъ быть Небо опредѣлило, и въ которомъ мы пребывать должны, знали дѣлать щастливымъ. 3 чтобъ мы совершеннымъ наслаждалась здоровьемъ. Когда не достаетъ чего изъ сихъ трехъ вещей, то не можемъ быть дѣйствительно благополучными. Правда, что добродѣтель служитъ намъ къ утѣшенїю; однако отъ претерпѣваемаго нами злополучїя она избавить насъ не можетъ. Между человѣкомъ, которой насъ въ болѣзни утѣшаетъ, и между человѣкомъ, которой насъ отъ оной изцѣляетъ, великое есть различїе: первой вспомоществуетъ намъ сносить наше злополучїе, а другой премѣняетъ нашу болѣзнь и печаль въ радость и веселїе.

Сїе подлинно, что человѣкъ вдавшейся въ пороки не можетъ быть благополучнымъ, хотя бы какъ ни былъ онъ богатъ и славенъ. Зараженные пороками

сами себѣ суть собственные судіи: мерзость ихъ порочныхъ дѣлъ преслѣдуетъ ихъ повсюду; и хотя о ихъ порокахъ и не знаютъ, а почитаютъ ихъ добродѣтельными, однако отъ того не могутъ быть они спокойнѣе. „Первое наказаніе, „говоритъ Ювеналъ (2), которымъ по„рочной человѣкъ наказуется, есть сіе, „что онъ, хотя въ судѣ и оправданъ „будетъ, однако самъ себя не можетъ „почитать за безвиннаго: судья можетъ „быть подкупленъ и оказать ему ми„лость, какую самъ похочетъ: однако „ему самого себя оправдать не возмож„но„. Заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что порочные люди угрызеніе своей совѣсти дѣйствительно утѣшить въ себѣ могутъ. Можетъ быть, они думаютъ иногда, что отъ упрековъ ихъ совѣсти они свободны, однако вскорѣ потомъ опять сами себя осуждаютъ: ихъ терзаетъ нѣкоторой тайной ужасъ, они преслѣдуютъ сами себя, и становятся сами себѣ мучителями. Мученіе, которому они подвержены, есть несказанное. Можетъ ли жъ быть оно во адѣ больше, когда

(2) . . . . . Prima eſt haec altio quod ſe Iudice nemo nocens abſoluitur, improba quamuis gratia fallacis praetoris vicetit vnam.

IUVENAL. *ſatir. XIII.*

когда человѣкъ день и ночь во внутренности души своей порокамъ своимъ тайнаго имѣетъ свидѣтеля? Увеселенія, балы, позорища, а что больше и нѣжности самой любви не могу успокоить, отъ угрызенія совѣсти отъ безпокойнаго ихъ сердца. Совѣсть воздвигаетъ свой гласъ, и посреди великолѣпнаго банкета: она, какъ непримиримая фурія, которой гнѣвъ воздержанъ быть не можетъ, напаяетъ ядомъ деликатнѣйшія кушанья, и превращаетъ наиприятнѣйшее веселіе въ безпокойство.

Порочные люди, которые при исполненіи своихъ злодѣяній наиотважнѣйшими быть кажутся, а по исполненіи оныхъ, они жъ сами наибоязливѣйшими бываютъ. Они опасаются гнѣва и наказанія какъ отъ Бога такъ и отъ людей: они блѣднѣютъ при малѣйшемъ блескѣ молніи. Когда гремитъ громъ, они полумертвы бываютъ: они не почитаютъ громъ за натуральное дѣйствіе: но представляютъ себѣ, что раздраженное за ихъ беззаконіе Небо, на ихъ наказанія достойную главу упасть ему допуститъ. Когда жъ пройдетъ буря, не могутъ они быть спокойнѣе; потому что они думаютъ, что наказаніе, котораго они боятся, не отвращено, а только отсрочено. Всякую болѣзнь, которая имъ случится,

чится, почитаютъ за смертную; они смотрятъ на нея какъ на наказанїе, которое прекратитъ ихъ жизнь, чтобъ имъ многими злополучїями наполненную дать жизнь другую. Я не сомнѣваюсь, что когда бъ порочные люди предусматривали всѣ тѣ печали, которыя имъ беззаконїя ихъ привлекаютъ, то конечно бъ они въ нихъ не попускались, однако они свою великость не прежде увидѣть могутъ, какъ когда уже впадутъ въ беззаконїя. Между тѣмъ впадаютъ опять въ другїя новыя, для того что отъ своихъ злыхъ нравовъ къ тому понуждаются, и отворенїя беззаконїя, которое сами осуждаютъ, удержаться не могутъ. Надѣются, что отъ послѣдняго злодѣянїя не будутъ имѣть столько безпокойства какъ отъ перваго; ласкаютъ себя, что чрезъ частое употребленїе пороковъ, можетъ имъ то притти въ привычку. Бѣдные люди, которые свою отраду чрезъ умноженїе зла получить уповаютъ, и себѣ безконечно новыя пріуготовляютъ мученїя!

Простой народъ, которой по наружному только виду разсуждаетъ, весьма часто почитаетъ тѣхъ людей благополучными, которые скуками и печалями снѣдаются. Онъ не можетъ того вообразить себѣ, чтобъ владѣтельной Князь, которому все послушно, могъ быть злополучень;

чень; чтобъ великой господинъ, которой живетъ великолѣпно, метресъ, слугъ, лошадей, экипажу, палатъ и деревень премножество имѣетъ, могъ быть тысячными безпокойствами мучимъ: однако разумные люди довольно знаютъ, что такой Государь, которой управляетъ не по законамъ справедливости, весьма явно чувствуетъ, какъ онъ отъ своихъ подданныхъ ненавидимъ, отъ посторонныхъ народовъ презрѣнъ, а въ будущіе вѣки опредѣленъ носить худаго правителя имя. Не можетъ быть такой человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ порочень, чтобъ его то не тронуло, что онъ ненавидимъ и презрѣнъ будетъ. Злые люди имѣютъ столько жъ самолюбія, сколько и добрые: и кто только самолюбивъ, тому ненависть и презрѣніе несносны. Прочитай только похожденія жесточайшихъ и свирѣпѣйшихъ тирановъ; они доказывали часто, сколько имъ крайнѣ болѣзненно было, что они знали, что ужасомъ и омерзѣніемъ человѣческаго рода были. Прискорбность и неудовольствіе, которое они отъ того чувствовали, умножало ихъ необузданность и варварство: они не были бъ такъ жаждущіе крови и немилосерды, когда бъ думали, что меньше есть ненавидимы. Они ввергались въ пороки, чтобъ отомстить

мстить за то омерзѣнїе, которое къ нимъ люди имѣли; а ихъ мщенїе увеличивало обое, то есть, ихъ безпокойство, и явную къ нимъ ненависть народа.

И такъ всякой въ какомъ бы состоянїи ни находился, не можетъ быть истинно благополучнымъ, когда не будетъ добродѣтельнымъ. Государь и крестьянинъ въ сей точкѣ равны между собою; угрызенїе совѣсти какъ наказываетъ одного сидящаго на престолѣ, такъ и другаго покоющагося на соломѣ. Кто хочетъ вести жизнь благополучную, тотъ долженъ убѣгать пороковъ больше, нежели смерти; потому что смерть причиняетъ только конецъ его жизни, а пороки дѣлаютъ жизнь его злополучною. Добродѣтельной человѣкъ послѣ своей смерти весьма много лучшаго находитъ, нежели какъ то, что онъ теряетъ; а порочный человѣкъ, не только что въ своей жизни многїя претерпѣвалъ злополучїя, но и страхомъ тѣмъ, чего онъ въ будущей жизни ожидать долженъ, мучимъ бываетъ: и хотя бы онъ безсмертїю души и не вѣрилъ, то чрезъ то ни мало не можетъ быть благополучнѣе, ибо онъ не имѣетъ надежды, чтобъ то злополучїе, которое онъ претерпѣвалъ здѣсь, послѣ его смерти въ благополучїе могло превратиться.

Второе,

Второе, которое къ препровожденію блаженной жизни всеконечно потребно, состоитъ въ томъ, чтобъ въ ономъ состояніи, въ которомъ намъ быть опредѣлило Небо, и въ которомъ мы пребывать должны, умѣть себя вести. Когда человѣкъ имѣетъ посредственной достаточкъ, когда онъ всѣмъ тѣмъ владѣетъ, что бъ могло защищать его отъ нужды и бѣдности, то для чего жъ онъ устремляться желаетъ къ великимъ богатствамъ, которыя, можетъ быть, здѣлаютъ его злополучнымъ? „Не богатства, говоритъ „весьма премудро Горацій (3), дѣлаютъ „человѣка благополучнымъ; сіе господ„ственное имя только тому пристойно, „которой такъ разуменъ, что все то, „что дано ему отъ Боговъ, знаетъ съ „добрымъ употреблять порядкомъ„. Какъ скоро предашся своему честолюбію, и своимъ желаніямъ попустишь поводъ, то здѣлаешся самъ своихъ страстей невольникомъ. Они требуютъ, чтобъ господствовать; а человѣкъ тотъ, надъ которымъ

(3) Non poſſidentem multa vocaueris
Recte beatum: rectius occupat
Nomen beati, qui deorum
Muneribus ſapienter vti,
Duramque callet pauperiem pati.
Horat. od. Lib. IV. od. IX.

рымъ они неограниченную власть имѣютъ, всегда есть злополученъ.

Мы въ нашей жизни ничего не можемъ здѣлать важнѣе и разумнѣе, какъ когда приведемъ себя въ такое состоянїе, чтобъ тѣмъ участїемъ, которымъ насъ одарило Небо, были мы довольны. Кто свои доходы чрезъ недозволенные способы желаетъ прїумножить, тотъ мучимъ бываетъ угрызенїемъ совѣсти; а кто желаетъ ихъ хотя и чрезъ дозволенные, но чрезъ трудные способы увеличить, тотъ погружается въ тысячные труды и безпокойства. Надлежитъ какъ отъ одного, такъ и отъ другаго изъ сихъ проступковъ остерегаться, кто хочетъ жить благополучно. Для чего жъ мы хочемъ безмѣрно о томъ стараться, что намъ надобно на немногїе годы? Надобно будущее препоручить судьбинѣ, а имѣющее употреблять такъ изрядно, какъ возможно. Сверьхъ того знаемъ ли мы то, полезно ли намъ будетъ, когда Небо наши желанїя услышитъ? Можетъ быть, въ ту минуту, въ которую наше желанїе исполнено будетъ, начнется злополучїе, которое насъ угнѣтать будетъ, и вмѣстѣ съ смертїю нашею конецъ свой получитъ; тѣмъ меньше не извѣстно, что можетъ быть оно жаждуетъ насъ къ богатствамъ умножить, чтобъ наше имѣнїе присовокуплять, какъ возможно,

можно, больше. Какъ скоро предается сердце желанiямъ богатства, то сокровища всѣхъ сребролюбцевъ недостаточны будутъ его успокоить. Чѣмъ больше возрастать станутъ богатства, тѣмъ больше возрастать будетъ скупость. Сiя страсть никогда удовольствована быть не можетъ; чѣмъ больше удовольствовать ея стараться станешь, тѣмъ сильняе она становится, и тѣмъ больше окажетъ видѣть свою силу. Она есть немилосердый тиранъ, которой ничѣмъ успокоенъ быть не можетъ: я еще говорю и больше, она есть царствующiй въ насъ злой духъ, по котораго побужденiямъ мы поступать должны, и которой не дозволяетъ намъ ни малой свободы. „Когда „ваши властелины говоритъ Персiй (4), „будутъ

---

(4) . . . . . Sed intus et in iecere aegro
Naſcuntur Domini. Qui tu impunitior exis,
Atque hic, quem ad ſtrigiles ſcutica, et metus
(egit herilis?
Mane piger ſtertis: ſurge, inquit auaritia; eia.
Surge negas: inſtat, ſurge, inquit. Non queo, ſurge.
En quid agam? rogitas? en, ſaperdam aduehe
(ponto,
Caſtoreum, ſtupas, ebenum, Iſtus, lubrica Coa;
Tolle recens primus piper eſitiente camelo;
Verte aliquid; iure. Sed Iupiter audiet, eheu,
Baro reguſtatum digito ferebrare ſalinum
Contentus perages, ſi vinere cum Ioue tendis.
Persius. *Satyr. V.*

„ будутъ воздвигаться во внутренности ва-
„ шего сердца, чтобъ производить надъ вами
„ свое тиранство, не будьте вы такъ, какъ
„ невольникъ, или служитель, которой
„ за то опасается наказанія, что прика-
„ зу господина своего не исполнилъ? А
„ вы опочивайте цѣлое утро спокойно.
„ Однако скупость закричитъ вамъ, вста-
„ вайте тотчасъ. Какъ, вы и не пошев-
„ елитесь? Вставайте, я говорю вамъ.
„ Никакъ, я не могу встать. Нѣтъ ни-
„ чего, только вставай. Я обѣщаю совсѣмъ
„ благополучно, такъ для чего жъ мнѣ
„ вставать? Какъ, вы еще спрашиваете
„ для чего? Взойдите на корабль, поди-
„ побѣгайте къ морю, приведите вашъ ко-
„ рабль съ рыбами, бобровыми кожами и
„ гебеновымъ деревомъ: нагрузите въ не-
„ го опять свои товары, и не заикайтесь,
„ когда ложно божиться станете: однако
„ Юпитеръ . . . . . Оставь Юпитера съ
„ покоемъ. Не глупъ ли ты! когда Юпи-
„ теру угодить хочешь, то вѣкъ ты съ
„ сумою шаскаться будешь„. Сіе есть
изрядное и истинное начертаніе произхо-
дящихъ печальныхъ дѣйствій отъ тако-
го желанія, чтобъ обогатиться. Не надоб-
но быть Философомъ для предусмотренія
того, что честное и посредственное со-
стояніе безконечно лучше, нежели неиз-
мѣнныя богатства; только надлежитъ въ

томъ

томъ покорится разуму, и употребленіе своего имѣнія ему повѣритъ.

Вышнія мѣста и чины столь же мало способствуютъ къ достиженію блаженной жизни, какъ и богатство. Чтобъ быть благополучнымъ, не для чего стараться, чтобъ стать крестьянину старостой, посадскому бургомистромъ, а судьѣ Сенаторомъ. Можно во всякомъ состояніи жить спокойно, когда только наши должности съ разумомъ исправляемы будутъ. Великая сія ошибка будетъ, когда думать, что высокія мѣста благополучнѣйшимъ человѣка здѣлать могутъ; они кольми паче обыкновенно умаляютъ человѣческое благополучіе тѣмъ, что налагаютъ на человѣка больше должностей, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться или не радѣть объ нихъ, когда не захочетъ пропустить того, чѣмъ онъ себѣ и общему добру долженъ; и слѣдственно чрезъ то не похочетъ престать быть благополучнымъ; потому что по принятому отъ насъ основанію сіе рѣшеное есть дѣло, что тотъ, которой противъ честности и скромности поступаетъ, не можетъ быть благополученъ.

Мудрые люди довольно чувствовали, сколь есть трудная вещь, чтобъ состоять въ высокихъ чинахъ, и вдругъ наслаждаться совершеннымъ спокойствомъ. Они

сколько возможно, таковыхъ частей убѣгати, которыя вознося ихъ передъ другими людьми, новыя на нихъ обязательства налагали. Они содержали, что рокъ простаго привѣтнаго человѣка, а нежели того, которому можно упрекнуть чѣмъ, весьма способнѣе есть къ достиженію блаженства; и они должности не прежде на себя принимали, развѣ когда думали, что они принять ихъ обязаны были, и что не могли отъ нихъ отказаться безъ презрѣнія порядка и надлежащаго къ обществу долгу; и какъ скоро сыскивали способной случай, то опять ихъ оставляли. Такъ здѣлалъ господинъ Локъ. Когда онъ не могъ больше жить въ Лондонѣ, то чинъ свой сложилъ и отдалъ въ Королевскія рýки, ибо ему здоровье не дозволяло пребывать больше въ Лондонѣ. Король, не смотря на сію приведенную отъ господина Лока причину, старался его склонить, чтобъ онъ въ прежнемъ своемъ званіи остался, и сіе сказалъ ему сей Государь именно: „Что хотя онъ только нѣсколько не„дѣль въ Лондонѣ пробыть можетъ, то „его службѣ оное весьма полезно будетъ„. Наконецъ Король требованіе господина Лока удовольствовалъ, потому что онъ не могъ на то согласиться, чтобъ носить такой важной чинъ, а исправлять бы его не съ дѣйствительною точностію.

Весьма справедливо сказать можно, что чести, природа, родители, богатства и прочія тому подобныя вещи, склоняются къ нравамъ тѣхъ, которымъ они участіемъ достались. Они отъ тѣхъ, которыя ихъ употреблять умѣютъ, могутъ почитаться за истинное добро; но для тѣхъ людей, которые не умѣютъ ихъ употреблять надлежащимъ образомъ, состоятъ они превеликимъ злополучіемъ; и когда чтобъ вести себя порядочно въ богатствѣ, великаго требуется разсудка, то богатство и великія вещи, которыя насъ предъ другими людьми возвышаютъ, обыкновенно больше вредны, нежели нужны. Они превращаются изъ истиннаго добра во зло, и становятся препятствіемъ къ благополучной жизни; однако, что чести и достоинства чрезъ худое ихъ употребленіе могутъ быть вредны, то для того не должно заключать съ Сенекою; „Что „ни одно государство не можетъ сносить „мудраго человѣка, и ни одинъ мудрой „человѣкъ въ государственной службѣ „жить не можетъ„. Сіе заключеніе есть ложное. Начальствующій человѣкъ, каковъ бы ни былъ остроуменъ, когда свою должность съ честью управляетъ, можетъ жить весьма благополучно; и тѣмъ будетъ благополучнѣе, чѣмъ есть разумнѣе; а смѣшно утверждать оное, будто есть

всеко-

всеконечно невозможное дѣло, чтобъ такой человѣкъ, которой публичную должность отправляетъ, могъ быть благополученъ. Причины, которыя привелъ Сенека для утвержденія своего мнѣнія, суть только одни пустыя Риторическія слова: „Я спрашиваю тебя, говоритъ онъ (5), въ „которую республику желаешь ты ѣхать. „Въ Аѳинскую ли, гдѣ казненъ Сократъ, „откуда Аристотель отъ страху казни „убѣжать принужденъ былъ, и въ которой „зависть наказуетъ добродѣтельныхъ? „Развѣ будетъ та Карѳагенская, гдѣ „царствуютъ непрестанныя безпокойства, „гдѣ вольность добродѣтельнѣйшимъ жи„телямъ есть вредною, гдѣ правосудіе „и справедливость презираются, и гдѣ „съ каждымъ жителемъ обходятся по„непріятельски? Мудрой человѣкъ такой

(5) Interrogo, ad quam rempublicam ſapiens acceſſurus ſit? Ad Athenienſium, in qua Socrates damnatur, Ariſtoteles, ne damnaretur, fugit? in qua opprimit inuidia virtutes? Negabis mihi acceſſurum ad hanc rempublicam ſapientem. Ad Carthaginenſium rempublicam, ergo ſapiens accedet, in qua aſſidua ſeditio, et optimo cuique infeſta libertas eſt, ſummo aequi ac boni vtilitas, aduerſus hoſtes inhumana crudelitas, etiam aduerſus ſuos hoſtilis? Et hanc fugiet. Si percenſere ſingulas voluero, nullam inueniam, quae ſapientem, aut quam ſapiens pati poſſit. Seneca *de otio tom. I. cap. XXXII. pag. 382. Amſtelod. apud Elzeuir.*

„ республики безъ сомнѣнія убѣгать будетъ. „ Когда бы о всѣхъ государствахъ по „ порядку разсуждать пожелалъ: то бы „ изъ нихъ ни единое спискаться не мо„ гло, которому бы мудрой человѣкъ былъ „ сносенъ, или бъ ему самому было стер„ пимо „. Всякой человѣкъ которой толь ко разсмотрѣть похочетъ, весьма легко увидитъ несправедливость сего Сенекою учиненнаго заключенія; потому что, когда его мнѣніе справедливо, то должно изъ того слѣдовать, что республики или безчестными людьми, или по крайней мѣрѣ такими, которые неучеными, управляются: что было бъ паденіемъ всѣхъ гражданскихъ общежительствъ. Было бы же весьма несправедливо, чтобъ мудрой и добродѣтельной человѣкъ, отъ принятія должности для того отказался, что таковыя другія должности злыми и порочными людьми заняты: кольми паче должна добродѣтель понуждать его къ принятію той должности, чтобъ чрезъ свое правосудіе несправедливость злыхъ судей держать въ равновѣсіи, и честнымъ людямъ причиненную несправедливость, сколько можно ему исправить. Несправедливостьми, которыя противъ его воли въ республикѣ происходятъ, можетъ онъ будучи судьею, не имѣя въ томъ участія, сѣтовать не больше того, какъ бы онъ былъ про-

стой приватной человѣкъ; для того чтобъ несправедливымъ опредѣленіемъ гнушаться и негодовать о немъ, но совсѣмъ должно быть Министромъ или Сенаторомъ. Въ Аѳинахъ ни одного не было жителя, котораго бъ не трогало учиненное опредѣленіе надъ Сократомъ. Тотъ изъ судей, которой оправдалъ его, и въ противность котораго голосу приговоренъ Сократъ къ смерти, былъ опечаленъ не больше, какъ и всякой другой житель; что больше, онъ могъ имѣть отъ другаго гражданина утѣшеніе, что онъ къ сохраненію жизни сего мудраго Философа все прилагалъ то, что въ его возможности состояло. И потому, когда начальствующій человѣкъ, отправляетъ свою должность, какъ надлежитъ честному человѣку, то хотя бы его товарищи и впали въ какія погрѣшности, оное его не больше будетъ трогать какъ и всякаго гражданина; и слѣдственно блаженства его жизни оное нарушить не можетъ. Когда бъ Сенека сказалъ только сіе, что мудрой человѣкъ въ какой бы республикѣ ни былъ, будучи простымъ приватнымъ человѣкомъ, нежели возвышенъ въ знатныя чести, можетъ достигнуть благополучной жизни, то бы заключеніе его было справедливо, а чтобъ въ самыхъ высочайшихъ честяхъ, хотя бы они свои

должности совершенно исправляли, конечно нельзя быть благополучнымъ, оное есть ложно. Правда, большимъ больше труда стоитъ, нежели меньшимъ достигнуть совершеннаго благополучія; однако они оба достигнуть его могутъ. Можетъ быть, кто у меня спроситъ: когда простые приватные люди легче, нежели великіе люди благополучными быть могутъ, то для чего жъ они послѣдніи, которые такъ охотно благополучными быть желаютъ, по спокойствіи воздыхаютъ, не возвращаются въ званіе простыхъ приватныхъ людей? Причина есть тому весьма натуральная; понеже съ ихъ состояніемъ есть нѣкоторыя связаны должности къ отечеству, къ Государю и къ самимъ себѣ, то они ихъ безъ нарушенія своей должности отставить не могутъ. Они будутъ приступать къ такой вещи, о которой сами знаютъ, что она имъ неприлична; и для того въ семъ новомъ своемъ состояніи не могутъ быть благополучны по тому, что къ благополучію жизни непремѣнно требуется, чтобъ человѣкъ ничемъ не могъ быть упрекаемъ. И потому весьма сіе натурально, что мудрой и разумной человѣкъ, въ той чести, которую ему назначило Небо, и въ которую онъ опредѣленъ пребывать, и въ ней благополучнымъ быть стараться долженъ,

слѣдо-

слѣдственно не изыскивать никакихъ въ состоянiи своемъ премѣнъ, которыя конечно не нужны, но кольми паче быть вредны, и отъ предпрiятаго намѣренiя всегда отдалять его могутъ.

§. III.

ВЪ КАКИХЪ СЛУЧАЯХЪ СОСТОЯНIЕ СВОЕ ПЕРЕМѢНЯТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ.

Всеобщее принятое отъ насъ правило, чтобъ всякой въ своемъ состоянiи былъ доволенъ и старался бъ быть благополучнымъ, имѣетъ нѣкоторыя изъятiя. Когда кто состоитъ въ такой должности, что порочнымъ быть конечно понуждается, какъ то на примѣръ: не можетъ уклониться, чтобъ не подвергнуть себя несправедливымъ обыкновенiямъ, или долженъ быть орудiемъ несправедливости Государевой, ухищренiю какихъ сообщниковъ, или злому предпрiятiю своего начальника. Въ такихъ обстоятельствахъ не только дозволенное, но и добродѣтельное есть дѣло, премѣнить свое состоянiе; и когда въ томъ новомъ состоянiи, которое онъ избралъ, не будетъ принужденъ поступать противо своей совѣсти: то каково бъ оно ни было, будетъ онъ въ немъ всегда благополучнѣе, нежели въ томъ, которое оставилъ. Всего свѣта сокровища и самыя величайшiя чести не

могутъ быть пріятны будущему въ такомъ званіи, въ которомъ онъ можетъ быть наказанія достойнымъ; ибо оно намъ всякой день новую скорбь пріуготовлять будетъ, и чрезъ то тѣмъ жесточае предаетъ угрызеніямъ совѣсти, что раскаяніе учиненнаго проступку будетъ напрасное, и учиненное зло исправить не въ состояніи онъ будетъ. Знатное имѣніе не здѣлаетъ намъ никакой пользы, когда мы для него оставимъ добродѣтель; оно вмѣсто пользы здѣлается зломъ, которое весьма вредительнѣе, нежели голодъ и моровая язва.

И такъ всякой въ своемъ состояніи быть обязанъ, сколи[illegible] по гражданскому обществу потребно; а когда здѣлается оно обществу не нужно, то оное сложить съ себя можетъ; когда жъ будетъ оное обществу дѣйствительно вредно, то оное оставить долженъ. Такъ властно какъ при отправленіи какой должности, не на свое спокойствіе смотрить потребно; и для ради одного только богатства и прибытка оставаться въ немъ не должно. Деньги есть или нашъ мучитель, или нашъ невольникъ; для тѣхъ онѣ есть мучитель, которые, чтобъ ихъ достать или нажить, всю честь изъ глазъ своихъ теряютъ; а у тѣхъ есть онѣ невольникъ, которые ихъ въ пристойное время упо-

требляютъ

треблять умѣютъ, и когда придетъ надобность, то безъ печали издержать ихъ могутъ. Всякой мудрой человѣкъ довольно видитъ, что лучше есть, дабы деньги намъ, а не мы деньгамъ послушны были; такія жъ мысли имѣетъ онъ о честяхъ, должностяхъ и прочихъ вещахъ, которыя столько суть хороши, сколько кто пристойно ихъ употреблять умѣетъ.

Дозволяется такъ же перемѣнять свое состояніе тому, кто желаетъ въ другомъ быть благополучнѣе, нежели какъ былъ въ первомъ, только жъ, чтобъ та перемѣна была не съ пренебреженіемъ нашей должности. Купецъ, которой знатныя отъ торгу получилъ деньги, беретъ дипломъ на дворянство, и думаетъ, что онъ благополучнѣе будетъ въ дворянскомъ, нежели въ купеческомъ состояніи, хотя онъ и полагаетъ свое благополучіе въ такой вещи, въ которой многіе другіе своего благополучія искать не будутъ; однако дѣлаетъ онъ справедливо, потому что довольствуетъ онъ дозволенное честолюбіе, не имѣя котораго, умалилась бы часть пріятной его жизни, которую далъ ему его щастіе. Судья, которой уступаетъ свое мѣсто такому жъ человѣку, о котораго достоинствѣ и искуствѣ онъ знаетъ, а самъ наскучась трудами, при-

ватнымъ человѣкомъ быть хочетъ, не можетъ быть хулимъ за оное. Онъ въ избранїи на свое мѣсто достойнаго, должность свою къ гражданскому обществу исполнилъ, а притомъ получилъ себѣ желаемое спокойство. Крестьянинъ, которой повышается въ купеческое, а купецъ въ дворянское состоянїе. Женщина, которая по пристойномъ устроенїи своей фамилїи въ монастырь идетъ; отецъ, которой принимаетъ въ службѣ должности, чтобъ произвесть дѣтей своихъ: всѣ сїи люди имѣютъ справедливость, чтобъ перемѣнить имъ свое состоянїе; потому что изъ сего видно, что въ томъ состоянїи, которое они оставляютъ, не достаетъ имъ ничего, и потому оно разрушаетъ ихъ спокойство. Разумной человѣкъ можетъ того искать, чтобъ его дозволенныя желанїя удовольствованы были.

Мы выше сего упоминали, что здоровье есть одна вещь изъ вышеписанныхъ трехъ существенныхъ вещей, подлежащихъ къ человѣческому благополучїю; мы принимаемъ его за причину, по которой наше состоянїе перемѣнять дозволяется; потому что жизнь безъ здоровья, есть горестнѣйшее состоянїе, и по справедливости, жизни отягченной болѣзнями, смерть предпочесть можно. Ничего не

можетъ

можетъ быть безразумнѣе, какъ что Стоики говорили о здоровьѣ. Оно, по ихъ мнѣнію, не есть истинное добро, для того что истинное добро пройти не можетъ, и отъ всѣхъ бы стороны приходящихъ припадковъ безопасно. По тому жъ основанію, по которому оное философы здоровья истиннымъ добромъ не почитали, утверждали, что болѣзнь не есть зло, для того, что зло ничто иное есть, какъ только уклоненіе отъ порядка; и изъ сихъ двухъ предложеній дѣлали заключеніе, что какъ тѣ, которые не обладаютъ премудростію и добродѣтелію, не могутъ ожидать благополучнаго состоянія, такъ и тѣ, которые имѣютъ добродѣтель, премудрость и силу, не могутъ опасаться злаго и неблагополучнаго состоянія; и такъ по мнѣнію Стоиковъ добродѣтельному человѣку хотя бы и кожа содрана была, однако онъ былъ бы въ благополучномъ состояніи. Сколь ни глупое и лживое есть сіе мнѣніе, однако Цицеронъ все свое употребилъ краснорѣчіе, чтобъ доказать, что оно съ разумомъ и съ натурою сходно. Когда ему повѣрить, то бъ онъ весьма радовался, когда бъ самыя жесточайшія претерпѣвалъ муки, и должно притти въ мысли, что онъ, въ обитой острыми гвоздьми бочкѣ, такъ же бъ былъ веселъ,

какъ и въ самой деликатнѣйшей банѣ. „Нѣтъ, говоритъ онъ 1), я не нашелъ „того, чтобъ Регуловы обстоятельства „были когда нелегки лучны, печальны „или сожалѣнія достойны; потому что „тѣ мученія, которыя онъ принужденъ „претерпѣть отъ Карѳагенцовъ, ни вели„кодушію его, ни премудрости, ни „честности, ни постоянству и никакой „его добродѣтели, слѣдственно ни мы„слямъ его ничего не могли здѣлать. „Правда, что его непріятели могли овла„дѣть его тѣломъ, и употреблять надъ „нимъ всякія возможныя мучительства; „однако его душа, которая столь мно„гими добродѣтельми была укрѣплена „и окружена, совершенно отъ всѣхъ сихъ „нападеній была свободна„. Когдабъ Цицеронъ столь жестоко въ воображеніе свое не допустился, или когда бы онъ при писаніи сихъ столь изрядно звенящихъ вещей, тронутъ былъ жестокимъ припадкомъ отъ подагры, то довольно бы онъ почувство-

валь,

(1) Nec vero ego M. Regulum aerumnosum, nec infelicem, nec miserum vnquam putaui; non enim magnitudo animi eius cruciabatur a paenis, non grauitas, non fides, non constantia, non vlla virtus, non denique animus ipse: qui tot virtutum praesidio, tantoque comitatu, cum corpus eius caperetur, capi certe ipse non potuit.

Cicero. *paradox.* 2.

валъ, что какъ самаго великаго такъ и простаго рабочаго человѣка душа въ болѣзни тѣла принуждается брать участїе. Напрасно силится она надъ болѣзнями возвышаться, и чрезъ то дѣлается отъ тѣла отдѣленною: въ сей точкѣ хотя бы она всѣ возвышенныя мнѣнїя призвала въ помочь, однако всѣ они возпретить могутъ, чтобъ она не подвергалась все общимъ законамъ натуры, и чтобъ въ болѣзни тѣла участїя не имѣла.

Человѣкъ, которой страждетъ, хотя бы онъ сколько премудръ ни былъ, однако всеконечно желаетъ онъ, чтобъ то зло, которымъ онъ страждетъ, могло окончаться; кто сїю истинну отрицать похотѣлъ бы, тотъ бы долженъ быть безумнымъ или безстыднымъ лживцомъ. Когда жъ такой человѣкъ болѣзнь за зло не почиталъ бы, то онъ мало о томъ печалился бъ, долго ли или не долго она продолжится: онъ взиралъ бы на ея какъ на нетрогающую вещь которой бытїе или небытїе ему есть равномѣрно, и въ чемъ онъ ни малѣйшаго участїя не имѣетъ. Правда, я признаю, что тѣ люди, которые добродѣтелїю и постоянствомъ обладаютъ, терпѣливѣе отъ прочихъ сносятъ свое неблагополучїе; однако чрезъ то, что они болѣзни терпѣливо, и что чего премѣнить не льзя, оное съ постоянствомъ сносить

стараются, не могутъ здѣлаться нечувствительными къ злополучію. Духъ нашъ имѣетъ также свои болѣзни какъ и тѣло. Кто лишится своего сына, своего имѣнія и своего друга; пускай тотъ себѣ все то раскажетъ, что признаетъ къ своему утѣшенію за способное; пускай онъ старается укрѣпить свои мысли, чтобъ не могъ быть притѣсненъ тягостію своей печали; однако совсѣмъ тѣмъ о послѣдовавшемъ его лишеніи будетъ весьма чувствителенъ. Правда, что тѣмъ онъ на свою рану приложитъ пластырь, однако ея не залечитъ; она долго, а можетъ быть, и никогда излечима не будетъ. Другой страждетъ подагрою и каменною болѣзнію; онъ претерпѣваетъ отъ того несказанной боль; онъ старается всевозможное дѣлать, чтобъ его боль уменьшить; онъ печется и о томъ, что касается къ его изцѣленію; и когда онъ о своемъ изцѣленіи вовсе отчаяться долженъ, то однакожъ онъ уповаетъ, что смерть окончаетъ его болѣзни. Представленія его о изцѣленіи или смерти подаютъ ему крѣпость, чрезъ которую беретъ онъ на себя терпѣніе. Когда такіе люди, которые признаются за добродѣтельныхъ, злополучія мысли и тѣла не почитаютъ за истинныя злополученія; когда ихъ душа посреди жесточайшихъ мученій пребываетъ нечувствительна, ко-

гда торжествованія надъ ними ихъ недруговъ, и причиненныя имъ отъ нихъ безчестія, не могутъ нарушить ихъ спокойствія; когда всѣ припадки человѣческаго тѣла сносить они могутъ; когда противной рокъ щастія презираютъ, и когда, какъ говоритъ Цицеронъ, ихъ добродѣтель какъ непобѣдимый щитъ закрываетъ, за которымъ они ни уязвлены ни прогнаны быть не могутъ: то для чего жъ самые славнѣйшіе изъ сихъ добродѣтельнѣйшихъ людей, чтобъ окончать настоящую, а укрыться отъ будущей болѣзни и печали, сами себѣ лишали жизни? Стыдъ и печаль, которую почувствовалъ Катонъ, что долженъ попасться Цесарю въ руки, склонила его здѣлаться для самаго себя убійцею. Сей мудрой человѣкъ, котораго одного только древность поставила наровнѣ съ богами (2), не могъ такого себѣ представленія здѣлать, чтобъ снесть взоръ своего побѣдителя. Гдѣ жъ останутся прекрасныя мнѣнія Цицероновы, когда придетъ дѣло къ опыту? Они изчезнутъ, съ ними тожъ послѣдуетъ, что и съ прочими на пустыхъ воображеніяхъ основанными мнѣніями, которыя кромѣ ложнаго блистанія больше ничего въ себѣ не имѣютъ.

(2) Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni.
Lucan. *phars.*

ютъ. Они держатся до того времени, пока въ мысляхъ разсматриваемы бываютъ; а при опытѣ проходятъ они какъ сонъ, которой при проснутіи изчезаетъ. И такъ должно признаться, что разумъ и натура увѣряетъ насъ всеминутно, что болѣзнь есть злополучіе: то слѣдственно здоровье есть величайшее благополучіе. Не возможно, чтобъ безъ него быть дѣйствительно благополучнымъ, и самая величайшая премудрость той болѣзни и печали, которыя намъ лишеніе здоровья причиняетъ, только одну часть исправить можетъ.

Когда здоровье къ спокойствію жизни всеконечно потребно, то весьма натурально, что такое состояніе, которое намъ приноситъ потеряніе здоровья премѣнить дозволительно; потому что сколько бъ мы ни прилагали труда, чтобъ въ томъ состоянїи быть благополучными, однако безъ здоровья никоимъ образомъ таковыми быть не можемъ. Какая нужда тому человѣку въ богатомъ столѣ, которой такъ испорченной имѣетъ желудокъ, что легчайшія пищи едва сварить можетъ? На что тому богатства, которой жизнь свою препровождаетъ на кравати, и ничего больше употреблять не можетъ, какъ только одни бульёны и отвареную воду? Какую знатная персона можетъ имѣть прибыль отъ

своей

своей большой чести, когда пріятностей общежительной жизни вкушать больше неспособна, а имѣетъ одно только печальное утѣшеніе, что отъ доктора, лекаря и своихъ слугъ, которые приставлены для надзиранія въ долговременной его болѣзни, слышитъ, что его называютъ: паша свѣтлость! Можетъ ли великой Генералъ, искусной Министръ, знатной ученой, чрезъ ту славу, которую они получили, имѣть облехченіе отъ своей подагры? Однимъ словомъ, все прочее благополучіе будетъ не нужно, и теряетъ три четверти изъ своей цѣны, когда не достаетъ здоровья. И такъ чтобъ его сохранить, или уже потерянное возвратить, не возможно описать, сколько должно имѣть старанія и осторожности. Ничто насъ обязывать не можетъ, пребывать въ такомъ состояніи, которое похищаетъ у насъ здоровье, развѣ будутъ такія причины, которыя зависятъ отъ нашей чести, чтобъ намъ остаться въ такомъ состояніи, хотя бы мы и знали, что оное будетъ намъ стоить нашей жизни. Не должно намъ больше почитать жизнь нашу, нежели честь и добродѣтель: всякой честной человѣкъ больше боится учиненія преступленія, нежели самой смерти. Сверьхъ того здоровье, которое мы удержимъ съ потерянѣмъ нашей честности, не можетъ насъ

благополучными дѣлать; потому что когда мы одну существенную часть человѣческаго благополучія получимъ, то другую часть, то есть, свидѣтеля доброй совѣсти, потеряемъ; и что съ стороны тѣла получимъ, то съ стороны духа потеряемъ; но не можетъ быть истинное благополучіе, когда какъ тѣло такъ и духъ полнаго спокойствія вкушать не будутъ.

§. IV.

ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ НЕ ОТЪ НАСЪ ЗАВИСИТЪ.

Сіе, о чемъ мы до сего времени говорили, ведетъ насъ непремѣнно къ изысканію, истинное благополучіе отъ насъ ли зависитъ? Многіе изъ древнихъ Философовъ сіе утверждали, и отъ разныхъ новѣйшихъ принято сіе мнѣніе; однако какъ одни, такъ и другіе такъ говорили, какъ думали. Они хотѣли воздвигнуть одну систему, которую больше блестящею, нежели истинною учинить старались. Какъ же они могли вѣрить, что они есть надъ своимъ благополучіемъ господами, хотя весьма часто случалось, что въ самое то время, когда они наиблагополучнѣйшими быть желали, наизлополучнѣйшими были? Состояло ли то въ ихъ силѣ, чтобъ друзей ихъ и родственниковъ продолжить жизнь? Было ли то въ ихъ

власти, чтобъ уволить себя отъ отправленія нѣкоторыхъ не по вкусу обязующихъ ихъ должностей? Наслаждались ли они здоровьемъ столь часто и столь долго, сколько хотѣли? Были ль они уволены, отъ всѣхъ прискорбностей духа, и болѣзней тѣла; когда они всѣхъ сихъ вещей въ своей власти не имѣли, то не состояло въ ихъ власти быть благополучными, хотя бы они и хотѣли, тѣмъ что большая часть изъ сихъ вещей, или благополучіе или злополучіе приключаетъ.

Конечно сіи люди должны были быть гордостію ослѣпленны, и сами съ собою мало сношенія имѣли, когда въ самое то время, какъ чрезъ ихъ натуральное состоянїе не только всѣмъ злополучіямъ подвержены были, но часто не возмогши ихъ отвратить погружены были въ нихъ: однако, въ то самое время себя уговорили, и другихъ уговорить хотѣли, что отъ нихъ самихъ зависитъ быть имъ благополучными: ото они-то сказали, что стихіямъ они повелѣвать могутъ, чтобъ жестокости зимы и лѣтняго жару не бояться, и чтобъ имъ и друзьямъ ихъ не смѣли наносить болѣзней. Однимъ словомъ, когда бъ человѣческое благополучіе было слѣдствіемъ его воли, то бъ та воля должна была опредѣлять все то, чрезъ что благополучіе достизается.

Раз-

Разумной человѣкъ увѣренъ, что онъ въ самое то время, когда наиблагополучнѣйшимъ быть надѣется, быть можетъ злополучнымъ. Онъ знаетъ, что отъ ударовъ злополучія, не есть онъ безопасенъ, но подверженъ болѣзнямъ и смерти, и что часто одна минута, не смотря на его желанія и принятыя предпріятія, радость въ печаль, и здоровье въ болѣзнь превратить можетъ.

Рокъ нашъ приходитъ не по нашей, но по Божеской волѣ; онъ по своему изволенію ниспосылаетъ на насъ добро и зло. И по истинѣ сіе есть изъ сильнѣйшихъ доказательствъ о безсмертіи души, что, какъ бы намъ ни щастливилось, однако не можемъ мы сами собою войти въ то благополучіе, котораго ищемъ. Мы имѣемъ объ немъ понятіе, и мы знаемъ, что оно дѣйствительно отъ насъ близско; однако не можемъ его получить, когда намъ рокъ неблагопріятенъ: то конечно оно для другой жизни оставлено быть должно; и надежда, чтобъ его найти тамъ, въ нашемъ злополучіи наибольшимъ есть утѣшеніемъ, и часть сего будущаго благополучія еще напередъ вкушать намъ она допускаетъ.

Мудрой человѣкъ ставитъ свой счетъ только на настоящее время, и не мучитъ себя отъ того уклоняться, что ему впередъ

редъ случившеся можетъ. Правда, онъ долженъ употреблять предосторожности приличныя всякому разумному человѣку, когда не хочетъ быть упрекаемъ, что случившемуся его злополучію самъ онъ состоитъ виною; а послѣ того ожидаетъ онъ опредѣленнаго своего року. Онъ знаетъ, что Богъ по своей премудрости будущія дѣла темною закрылъ завѣсою, и смѣется тѣмъ смертнымъ, которые чрезъ свои попеченія осмѣливаются преступать предписанные имъ предѣлы. Такія ненужныя предосторожности ни къ чему иному не служатъ, какъ только, чтобъ употребляющихъ ихъ мучить, и похищать пріятности настоящаго времени, а притомъ не приводитъ ихъ въ безопасность о будущемъ страшащимъ ихъ злополучіи. Мы должны изрядное Гораціево ученіе безпрестанно имѣть передъ глазами, когда говоритъ онъ: „Тотъ благополученъ, „и самъ надъ собою господинъ, кто всякой вечеръ сказать можетъ: я жилъ, и „сей день препроводилъ изрядно„.

Человѣкъ только надъ настоящимъ временемъ есть господинъ: для чего жъ теряетъ онъ сіе время? Вѣтъ, когда оно протечетъ, то возвратить его уже не возможно. Время уноситъ его на своихъ скоролѣтныхъ крыльяхъ съ собою, и иное, которое за нимъ слѣдуетъ, можетъ быть,

есть злополучно, а первое когда бъ его употребить умѣлъ, то бъ могло быть благополучно. Рокъ, которой играетъ жесточайшими приключенїями, и надъ человѣческими проектами, смѣется, несказанно попускаетъ честямъ, богатствамъ, бѣдностямъ, веселїю, печали, здоровью и болѣзни, переходить отъ одного къ другому; и что одному даетъ сего дня, то другому опять отдаетъ заутро.

§. V.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ ЖИЗНИ НАИСПОСОБНѢЙШЕ ЗДѢЛАТЬСЯ МОЖНО БЛАГОПОЛУЧНЫМЪ.

Кажется мнѣ, что такая жизнь, которая не весьма уединенная и не весьма суетная, наиспособнѣйшею есть благополучными насъ здѣлать. Должно точно средней избрать путь, между уединенїемъ и мїрскою суетностїю; строгое уединенїе имѣетъ свои недостатки, такъ какъ и суетная жизнь имѣетъ таковыя жъ. Мы намѣрены здѣлать изслѣдованїе какъ одному, такъ и другому.

Вышшїя должности, чести и богатства не только не способствуютъ къ благополучїю, но еще часто бываютъ къ достиженїю оной препятствїемъ; они почти всегда больше приносятъ съ собою безпокойства, нежели надобности. Честное посред-

посредственное состояніе, въ которомъ все необходимое имѣть можно для тѣхъ, которые ищуть благополучной жизни, стократнѣе есть лучше, нежели сокровища, которыя многіе люди столь жадно собираютъ однако что они въ нихъ сыскать надѣются, того никогда не находятъ.

Въ разсужденіи нашего имѣнія которое намъ опредѣляетъ Небо, посредственное есть наилучшее. Оно препятствуетъ, чтобъ не быть намъ невольниками тѣхъ страстей, которыхъ тиранской власти подвержены знатные люди: и оно также укрываетъ насъ отъ того зла, подъ которымъ недостаточные люди притѣсняются, по тому что бѣдность, сколько бъ Философы ни дѣлали спору, есть истинное, да еще и опаснѣйшее зло, по тому что многія другія злощастія съ собою оно привлекаетъ. Сіе есть правда, что бѣдность не должна насъ крушить, и приводить въ унылость тѣмъ, что она не отъ нашихъ мыслей зависитъ, и мы не состоимъ въ томъ виною, что рождены бѣдны; однако должно, чтобъ быть благополучнымъ, оное злополучіе исправить стараться, и прилѣжать къ тому, чтобъ чрезъ дозволенныя и честныя средства присовокупить себѣ нѣсколько имѣнія, которое бъ насъ отъ отягощеній, нужды и бѣдности защищало.

Стой-

Стойкамъ и нѣкоторымъ новѣйшимъ Философамъ смѣшно покажаться можетъ; когда доказывать, что богатства есть добро. Сенека пускай говоритъ сколько хочетъ (1) „ Что когда бъ богатства были „ добро, то бъ онѣ дѣлали и людей добры„ ми; и что оное, что находится въ ру„ кахъ злыхъ, не можетъ добромъ назы„ ваться... Сіи надутыя рѣчи подобны водянымъ пузырямъ, которые ничего въ себѣ крѣпкаго не имѣютъ Когда богатство для того не есть добромъ, что не дѣлаетъ людей лучшими, то изъ того будетъ слѣдовать, что и здоровье, хотя оно и величайшее, исключая только добродѣтель, есть добро, не будетъ больше добромъ, по тому что оно не дѣлаетъ людей добрыми, и злой человѣкъ, по выздоровленіи своемъ отъ болѣзни, не премѣняетъ своихъ злыхъ нравовъ. Другой приведенной отъ Сенеки резонъ не лучше есть перваго; потому что когда бъ богатство для того не было добромъ, что оно есть злымъ и добрымъ людямъ общее, то бъ видѣніе, слышаніе и вкусъ по тому жъ не были бъ добромъ, тѣмъ что сіи чувства всѣмъ людямъ общія

(1) Diuitias nego bonum esse: nam si essent, bonos fecerint. Nunc quoniam apud malos deprehenditur, dici bonum non potest.

L. Annaei Senecae de vit. beat. cap. 24.

щѵя. Я хочу еще больше сказать: знанїе Бога за подлинно есть наидрагоцѣннѣйшее всѣхъ благихъ; возможно жъ ли сказать, что оно не есть добромъ, для того, что сїе знанїе какъ добрымъ, такъ и злымъ людямъ есть общее? Оно тѣхъ, которые употребляютъ его безразсудно, здѣлаетъ ка́зни достойными, а которые употребляютъ съ разсужденїемъ и добрымъ порядкомъ, тѣхъ здѣлаетъ щастливыми. Такоежъ властно содержанїе имѣетъ и богатство, которое для употребляющихъ его съ разсудкомъ, есть добромъ, а для употребляющихъ худо, есть превеликимъ зломъ.

Наконецъ Сенека, не смотря на свои уловляющїя и философическїя рѣчи, принужденъ признаться, что богатство имѣть должно. „Я не хочу говорить онъ (2), „чтобъ богатство почитать, и называть „добромъ; однако я признаю, что его „имѣть должно, что оно нужно, и что „оно въ жизни человѣческой много поль„зы приноситъ„. Какъ же! такая вещь, которая есть нужна, которая въ человѣческой жизни великїя угодности дѣлаетъ, однако она не должна быть до-

 бромъ?

(2) Hoc illis nomen nego: caeterum et habendas eas esse: et vtiles, et magna vitae commoda adferentes, fateor. L. Ann. Senec. *de vit. beata cap.* 24.

бромъ? доколѣ Философія учитъ насъ будетъ такія заключенія дѣлать, то мы предостерегаться должны, чтобъ намъ не быть Философами. Однако нѣтъ ничего: она довольно разумна, что такимъ неправильнымъ способомъ на насъ опровергается? потому что худое ея употребленіе ввергаетъ насъ въ заблужденіе. Мы думаемъ, что ей слѣдуемъ, однако совсѣмъ тѣмъ отъ нея удаляемся; мы полагаемъ въ мысляхъ, что она намъ сотовариществуетъ, однако она насъ уже оставила. Преклонность мнѣній нашихъ совѣтуетъ намъ, будтобы они согласовали съ истинною Философіею; самолюбіе къ мнѣніямъ нашимъ, самыхъ великихъ людей, часто въ заблужденіе приводило; и Цицеронъ, когда вспомянулъ о заблужденіи, не могъ отъ того удержаться чтобъ не написать: „Что не было ничего такого невкуснаго и безумнаго, чтобъ „которой изъ Философовъ не защищалъ „онаго „.

Сенека, чтобъ доказать, что богатство, хотя есть и нужно, однако не есть добро, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе (3). „ Приведи меня въ домъ, ко-

„торой

(3) Pone in opulentiſſima me domo: pone aurum argentumque in promiſcuo ſit: non ſuſpiciam me

„ торой великолѣпно убранъ, серебреными „ и золотыми сосудами наполненъ; я чрезъ „ то не буду почитаться выше прежняго. „ Поведи жъ меня на деревянной мостъ, „ и оставь тамъ съ бѣдными и нищими, „ я чрезъ то не буду себя почитать пре„ зрительнѣе прежняго „. Сіе заключеніе Сенекино есть паралогизмъ, въ которомъ онъ презрѣніе и злополучіе смѣшиваетъ вмѣстѣ. Можетъ быть человѣкъ весьма почтенія достойный, однако совсѣмъ тѣмъ весьма злополучной. Бетлизарій, когда просилъ милостыни по улицамъ Цареградскимъ, конечно не былъ презрѣнія достоинъ; однако онъ былъ нещастливъ, и крайнѣ злополученъ. Я признаю, что человѣкъ, которой живетъ въ бѣдности и нищетѣ, не можетъ для того не почитаться мудрымъ, добродѣтельнымъ и награжденія достойнымъ; однакожъ онъ принужденъ думать, что онъ не столько есть благополученъ, сколько былъ бы въ такомъ состояніи, въ которомъ бы все то потребное имѣлъ, чего требуетъ его нужда: человѣкъ, которой горячкою

me ob ista, quae etiam si apud me, extra me tamen sunt. in sublicium pontem me transfer, et inter egentes obiice: non ideo tamen me despiciam, quod in illorum numero consideo, qui manum ad stipem porrigunt. Senec. *de vit. beat. cap.* 25.

боленъ, почитаетъ себя столькожъ почтенія достойнымъ, сколько и другой; находящейся въ совершенномъ здоровьѣ, однако онъ, въ разсужденіи его болѣзни, весьма не столько есть благополученъ какъ послѣдней.

§. VI.

О НЕДОСТАТКАХЪ ТОЙ ЖИЗНИ, КОТОРАЯ ВЪ СВѢТСКОЙ СУЕТѢ ПРЕПРОВОЖДАЕТСЯ.

Въ той суетной жизни, которая препровождается въ свѣтѣ, весьма трудно сыскать истинное благополучіе. Кто хочетъ быть благополученъ, того мысли должны быть веселы и спокойны, а сему статься почти не возможно, кто живетъ въ суетѣ и безпокойствѣ.

Тѣ люди, которые имѣютъ знатные чины и должности, столь многими посторонними попеченіями обременены, что о своихъ собственныхъ думать почти времени имъ не остается; они живутъ больше для общаго добра, нежели для своего собственнаго. Судья трудится цѣлой день, разбирая и расматривая дѣла, чтобъ о нихъ могъ имѣть понятіе; Министръ почти задавливается тягостію статскихъ дѣлъ; Офицеръ всю свою жизнь употребляетъ къ исполненію положенной на него должности; однимъ словомъ, все оное,

что

что человѣка надъ другими людьми возвышаетъ, и что обязуетъ трудиться для общей надобности, умаляетъ старанїе, которое бы мы имѣть могли, о собственныхъ нашихъ надобностяхъ. Оное время сами у себя мы умаляемъ, которое другимъ удѣлять должны; сверьхъ того случается, чѣмъ больше мы должностьми обязуемся, тѣмъ больше получаемъ труда и скуки.

Тѣ люди, которые заняты одними только собственными своими попеченїями, имѣютъ предъ тѣми, которые обязаны публичными попеченїями, властно столько къ достиженїю благополучной жизни преимущества, сколько тотъ человѣкъ, которой несетъ два фунта, скорѣе назначеннаго мѣста достигнуть можетъ, нежели тотъ, которой отягченъ тремя стами фунтами. Однако не есть сїе невозможное дѣло, чтобъ и тремя стами фунтами отягченной до назначеннаго мѣста не достигнулъ: только какъ же бы легче достигнуть ему было назначеннаго мѣста, когда бъ онъ тою тягостїю отягченъ не былъ? Такъ точно и тотъ человѣкъ, которой отягченъ статскими или воинскими должностями, не смотря на всѣ его безпокойства, можетъ сыскать время думать о своихъ собственныхъ надобностяхъ, и быть благополуч-

мымъ; однако онъ долженъ осиливать двѣстидевяносто восемь фунтовъ тягости больше, нежели тотъ, которой чужой посторонней тягости на себѣ не носитъ.

Есть родъ людей, которой три четверти живущихъ составляетъ. Оной называется *спѣтскїе люди*, которые хотя никакого чину и должности не имѣютъ, однако они сами съ собою столь мало имѣютъ дѣла, будтобы они къ правленїю всего государства обязаны были. У нихъ тожъ самое производятъ ихъ страсти, что у другихъ производитъ безпокойство; они препровождаютъ жизнь свою въ безпрестанной суетѣ. Они сами о себѣ разсматриваютъ столь мало, что никогда сами себя не знаютъ; ихъ всѣ дѣла и поступки безъ разсмотренїя. Скупость, ревность, любовь ненависть и мщенїе, есть единственною только причиною побужденїя къ ихъ поступкамъ: ихъ душа слѣдуетъ впечатлѣнїю самыхъ вредительнѣйшихъ страстей. Многїе предаются безмѣрному обжирству и пьянству: они при богатомъ столѣ думаютъ сыскать то благополучїе, котораго ищутъ, однако сыскать его не могутъ. Когда они встаютъ изъ за великолѣпнаго стола, гдѣ имъ изъ многихъ столь различныхъ кушанїй, лучшее изыскать было трудно, то обыкновенно бываютъ бѣдны, слабы

и смутны. Ихъ кушаньемъ и питьемъ чрезмѣрно наполненное тѣло, удѣляетъ своей тягости души, и сіе духовное бытіе, которое только чрезъ употребленіе тихаго спокойства благополучнымъ здѣлать можно, дѣлаетъ земнымъ и матеріальнымъ.

Есть въ свѣтѣ еще такіе люди, которые свою жизнь для того только препровождаютъ, чтобъ имъ вдаваться въ свои похоти, хотя они ихъ и никогда удовольствовать не могутъ, и чтобъ всегда завидовать другихъ людей року: что больше они ненавидятъ тѣхъ, кому завидуютъ, не имѣя къ тому никакой другой причины, какъ только что почитаютъ ихъ щастливѣйшими, нежели какъ они сами, хотя въ томъ и часто ошибаются. Сіи люди подобны такимъ проѣжимъ, кои такую дорогу избираютъ, которая безпрестанно далѣе отводитъ ихъ отъ того мѣста, въ которое хотятъ они пріѣхать. Ничто не препятствуетъ такъ людямъ къ истинному благополучію, какъ зависть.

Не могли большаго выдумать мученія Сицилійскіе тиранны, которые бъ были жесточае, нежели какова есть зависть. Разумной человѣкъ, которой благополучнымъ быть хочетъ, не только долженъ не завидывать чужому благополучію, но, когда и самъ желать станетъ имѣть боль-

ше, нежели сколько разумнымъ способомъ получить надѣется, то тотчасъ долженъ перемѣнить свои мысли. Разумъ того требуетъ, чтобъ всякъ тѣмъ, что кому приспойно, былъ доволенъ. Однако сей разумъ не слушаетъ того, когда будетъ въ такомъ смятеніи и безпокойствѣ, въ какомъ живутъ *свѣтскіе люди*; рѣдко ищутъ къ нему убѣжища, когда страсти съ такою неограниченною властію, какъ въ сердцахъ большой части свѣтскихъ людей случается, господствуютъ.

Когда кто о семъ часто съ примѣчаніемъ не разсуждаетъ, тому весьма трудно, необходимо потребной къ благополучію нашей жизни, премудрости достигнуть. Не многіе люди отъ натуры имѣютъ столь сильную и просвѣщенную дущу, что они чрезъ самое короткое разсужденіе дѣлаютъ то, на что другіе долгое и трудное употребляютъ изысканіе. Еще есть такіе люди, которые такъ одарены отъ Неба, что они тожъ самое съ малымъ трудомъ производятъ, что другимъ многаго труда стоитъ; однако сихъ людей число есть не велико: и потому должно вообще всѣмъ людямъ, чтобъ быть благополучными, довольное время примѣчать самимъ себя, и чрезъ нѣсколько времени достигнуть тѣхъ качествъ, которыя имъ во всю ихъ жизнь надобны будутъ.

Дол-

Должно къ таковому времени сердце свое благородными мыслями, а разумъ разсмотреніями наполнить, доколѣ еще страсти своимъ ядомъ ни того, ни другаго не заразили. „Сосудъ, говоритъ Горацій, „долго запахъ содержитъ въ себѣ той „влажности, которая въ него сперва вли„та была„. Худое начало, которое *спѣшеніе людей* съ своею жизнію учинили, обыкновенно есть причиною ихъ непорядковъ, въ которыхъ они даже до старости пребываютъ. Первой степень тѣмъ людямъ, которые ищутъ въ свѣтѣ, чтобъ быть щастливыми, есть наиопаснѣйшій; когда онъ есть худъ, то обыкновенно почти и всѣ другіе будутъ ему подобны. О семъ первомъ степени можно сказать то, что Деспро сказалъ о порокахъ. „Кто „въ порокахъ одинъ разъ въ мишень про„шибся, то уже слѣдуетъ паденіе одно „за другимъ. Честь есть подобна кру„тому, какъ столбъ, и никакихъ бере„говъ ненмѣющему острову: кто отъ не„го одинъ разъ отъѣхалъ, тотъ не мо„жетъ опять на него взойти„.

§. VII.

О НЕДОСТАТКАХЪ УЕДИНЕННОЙ ЖИЗНИ.

Сіе извѣстно, что скоряе можетъ здѣлать насъ благополучными уединеніе, нежели обхожденіе съ суетнымъ свѣтомъ.

Въ уединенїи не такъ сильно обезпокоиваться отъ страстей сердце, какъ въ суетѣ общежительства: что больше, есть такія страсти, отъ которыхъ бываетъ оно весьма свободно; ненависть, зависть и честолюбїе не могутъ прикоснуться къ уединенному человѣку. Онъ не видитъ никого, противо котораго бъ ревновать было ему можно? Онъ ничего больше не требуетъ кромѣ того, что уже имѣетъ, то противъ чего бы его зависть распространилась? Онъ ненавидитъ свѣтъ и всѣ его великїя вещи, то также онъ честолюбїемъ обладаемъ быть можетъ? „Множество и излишество, говоритъ Харонъ, „весьма ужаснѣе, нежели уединенїе и недостатокъ. При воздержанїи единственно только одну вещь наблюдать должно; „а при имѣнїи и употребленїи многихъ „различныхъ вещей, многїе должны быть „намѣренїя и различныя должности. Гораздо лучше не имѣть богатства, чести, „достоинства и должности, нежели порядочно ихъ содержать и управлять ими. „Весьма легче не имѣть жены, нежели „съ женою, съ дѣтьми и съ прочимъ, „что къ тому принадлежитъ, по должности жить и ихъ содержать; и по „тому состоянїе холостаго человѣка есть „легче, нежели женатаго„.

Истин-

Истинны сихъ словъ Хароновыхъ, никто не разсмотрѣть не можетъ. Однако силу его заключенія тѣмъ больше понять можно, когда разсмотрѣть, что по той мѣрѣ, сколько больше надобностей мы имѣемъ, тѣмъ бываемъ злополучнѣе, и тѣмъ больше привлекаемъ къ себѣ труда и попеченія, чѣмъ больше обязуемся съ такими людьми, которые намъ любезны; ибо что печалитъ ихъ, то печалитъ и насъ; что безпокоитъ ихъ, то безпокоитъ и насъ; что мучитъ ихъ, то мучитъ и насъ; что болѣзненно имъ, то болѣзненно и намъ. И потому живучи въ свѣтѣ, не только наше собственное, но и тѣхъ, въ которыхъ щастіи имѣемъ мы участіе, злополучіе сносить должны: и хотя мы не по причинѣ дружбы, но по причинѣ однихъ нашихъ пользъ, состоимъ съ ними въ обязательствѣ, однако принуждены мы въ томъ, что касается до нихъ, принимать участіе; злополучіе, которое ихъ печалитъ, упадаетъ частію на насъ обратно. Когда знатной человѣкъ, которой есть нашъ покровитель, и которому мы препоручены, не по причинѣ къ нему нашей любви, но по причинѣ надобности, приходитъ въ нещастіе, то чрезъ его нещастіе терпимъ и мы столько жъ много, будтобы его любили тѣмъ, что его упадокъ влечетъ и нашъ съ собою,

Однимъ словомъ, когда живемъ мы въ свѣтѣ, то зависитъ часть нашего спокойства отъ тѣхъ людей, съ которыми, по какой бы то ни было причинѣ, состоимъ мы въ обязательствѣ; и что удивительнѣе показаться можетъ, однако оное есть самая истинна, что часто печалимся мы въ свѣтѣ о злополучіи такихъ людей, которыхъ мы не только не любимъ, но отъ искренности нашего сердца ихъ ненавидимъ.

Небо удѣляетъ намъ свои дарованія по такой мѣрѣ, чтобъ мы отъ всего излишняго освободиться умѣли. Предавшійся уединенію много оставилъ, слѣдственно много и получилъ. Онъ удовольствовалъ свое честолюбіе, онъ утолилъ жажду свою къ богатству, онъ позабылъ учиненныя ему обиды отъ его непріятелей; однимъ словомъ, онъ чрезъ удаленіе свое отъ прочихъ людей достигъ до такой точки, которой достигнуть, когда бъ онъ между людьми остался, никогда бъ не былъ въ состояніи.

Хотя уединеніе, въ разсужденіи благополучія человѣческой жизни, многія имѣетъ преимущества, однако напротивъ того имѣетъ оно свои опасности и недостатки. Оно наипаче для молодыхъ людей вредно, и часто имѣетъ печальныя слѣдствія, когда полагаются сами на себя моло-

молодые люди. Крашесъ, когда увидѣлъ одного молодаго человѣка, прохаживающагося въ отдаленномъ уединенномъ мѣстѣ, то сказалъ ему, что онъ весьма остерегаться долженъ, чтобъ не вступить въ разговоры съ злымъ какимъ либо человѣкомъ, и не слѣдовать бы его совѣтамъ. Уединенїе есть то самое, гдѣ слабые духи составляютъ злыя свои предпрїятія, воздвизаютъ свои страсти, и безпорядочныя похоти въ движенїе приводятъ. Надлежитъ имѣть тому весьма твердыя и постоянныя мысли, кто безъ опасности самъ на себя положиться похочетъ.

Когда мы того искать станемъ, что наше состоянїе исправить можетъ, то должны мы убѣгать уединенїя для тѣхъ же самыхъ причинъ, для которыхъ сами себя опасаться мы должны, и гдѣ мы всѣхъ тѣхъ преимуществъ лишены будемъ, которыя мы въ общежительствѣ находить можемъ. Самой крѣпкой духъ, которой отъ большой части самъ въ себѣ можетъ получать удовольствїе, и когда утѣсняемъ бываетъ скукою, когда отнято у него все съ людьми обхожденїе; онъ часъ отъ часу премѣняется, и наконецъ теряетъ то спокойство, которое онъ вкушалъ по причинѣ удаленїя отъ человѣческаго обхожденїя. И такъ состоитъ онъ въ опасности, чтобъ не впасть въ нелю-

димое и упрямое бытіе, которое все то, что прежде было ему пріятно, ядомъ напаять станетъ, и наконецъ до того доведетъ, что не только тѣ вещи, которыя кромѣ его, ненавидимы ему станутъ, но онъ и самъ собою не доволенъ будетъ.

Мудрѣйшіе и славнѣйшіе Философы уединеніе за такое состоянїе почитали, которое у людей весь вкусъ похищаетъ, и всѣ ихъ удовольствія, которыми они наслаждаться могутъ, дѣлаетъ невкусными, что больше они думали, когда бъ человѣкъ до небесъ вознесся, и оттуда по своему желанію могъ бы разсматривать уединенія достойное позорище всего міра, однако весьма бы мало отъ сего знанія чувствовалъ удовольства, когда бъ онъ пребывалъ одинъ безпрестанно, и никого бъ не имѣлъ, съ кѣмъ бы могъ обходиться.

Сіе есть справедливо, что человѣческой натурѣ ничто такъ не противно, какъ лишеніе общежительства, и слыша гласъ натуры, которая насъ несказанно тому научаетъ, сколько намъ обхожденіе съ мудрыми и добродѣтельными людьми нужно, долженъ тотъ глухимъ быть, когда кто утверждать хочетъ, что и въ самомъ глубочайшемъ уединеніи легко и дѣйствительно благополучнымъ быть можно.

Сколько опасно весьма суровое воздержаніе, можно доказать изъ тѣхъ заблу-

жденій,

жденїй, въ которыя многїе уединенные люди впали. Они вошли въ уединенїе добродѣтельными, а назадъ оттуда возвратились порочными. Покуда не удалились отъ прочихъ людей, были они мудры; а когда оставили людей, стали они глупыми. Они не потеряли бы ни добродѣтели своей ни разуму, когда бъ они употребляли ту пользу, которая отъ разговоровъ съ честными людьми получается. Самые большїе Философы за свои добродѣтели и знанїя должны благодарностїю таковыхъ честныхъ людей наставленїю и ученїю. Когда бы Платонъ жилъ въ уединенїи, то бъ не имѣлъ онъ учителемъ своимъ Сократа: и когда бы онъ самъ на себя положился, то можетъ быть, столько былъ бы онъ худъ, сколько бы добродѣтеленъ.

Тѣ причины, для чего многїе вдаются въ уединенїе, часто бываютъ очень худы и безразумны. Иногда бываетъ то отъ слабости разума, которая должна почитаться за нѣкоторой родъ подлости, потому что мы боимся дѣлать удовлетворенїя должностямъ нашимъ; часто бываетъ оное отъ неудовольствїя, отъ любви, или отъ другой какой страсти, которая безвременно насъ влечетъ хотя мы и не знаемъ куда и для чего влекомы. Мы убѣгаемъ и укрываемся для того, что думаемъ,

что

что печаль и скука, которая насъ утѣсняетъ, въ уединенїи получитъ облехченїе. Однако она тамъ-часъ отъ часу еще увеличиваться станетъ: наконецъ увидимъ мы, да уже поздо, что отъ сего избранїя не можемъ надѣяться утѣшенїя тѣмъ, что мы разума нашего, которой во всѣхъ нашихъ поступкахъ долженъ быть предводителемъ, въ совѣтъ не призывали.

И для того должно принять сїе за главное правило, что та жизнь наиспособнѣйшая есть дѣлать людей благополучными, которая ни очень суетна, и ни очень уединенна, которая не приноситъ съ собою безпокойства тѣхъ людей, что всѣ свои дни въ суетѣ сего свѣта, или хотя въ приносящемъ честь, только жъ трудномъ должности своей исполненїй препровождаютъ, а притомъ, которая и опасности и недостатку уединенной жизни не имѣетъ. Приватной человѣкъ, которой хотя посредственной, однако для его нуждъ довольной доходъ имѣетъ, которой съ нѣсколькими добродѣтельными друзьями, коихъ нравы ему нравятся, обхожденїе имѣть можетъ, и которой въ нѣкоторомъ способѣ воздержанїя и удаленїя отъ свѣтской суеты, пріятности блаженной жизни вкушаетъ, такой-то человѣкъ, говорю я, находится въ такомъ состоянїи, которое весьма удобно благополучнымъ его здѣлать можетъ.

§. VIII.

§. VIII.

ОБХОДЯСЬ ВЪ СВѢТѢ СЪ ЗНАТНЫМИ ЛЮДЬМИ, ТРУДНО БЫТЬ БЛАГОПОЛУЧНЫМЪ.

Вольность много способствуетъ къ благополучію человѣческой жизни: а получить ея наилехчайшее есть сіе средство, чтобъ презирать наружныя обстоятельства щастія, и заблаговременно привыкнуть, почитать всѣ вещи не дороже той цѣны, какъ чего они стоятъ, такожде и рокъ знатныхъ людей не за лучшей почитать, нежели какъ приватныхъ людей состояніе. Кто такъ поступилъ далече, чтобъ своимъ похотямъ назначить предѣлы, и чтобъ людей возмогъ измѣривать мѣрою присудствующей въ нихъ добродѣтели, тотъ состояніемъ знатныхъ въ свѣтѣ людей осѣпляемъ больше не будетъ; онъ смотритъ на нихъ съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣть должно, и не находитъ въ нихъ ничего изъ тѣхъ вещей, которыя толпа народная въ нихъ примѣчать уповала Истинной мудрецъ высоко почитаетъ единственно одно только преимущество въ знатныхъ людяхъ, однако они его въ пользу не употребляютъ, но кольми паче его презираютъ: онъ не завидуетъ ихъ богатствамъ, ни ихъ честямъ, ни ихъ должностямъ, ни ихъ палатамъ, ни ихъ великолѣпнымъ банкетамъ: однако

онъ

онъ желалъ бы такъ щастливъ быть какъ и они, только для одного того, чтобъ могъ награждать людей достойныхъ. Когда бы онъ былъ на ихъ мѣстѣ, то бы онъ дѣлалъ тѣ дѣла, которыхъ они не отправляютъ, а которыя они дѣлаютъ, онъ бы за тѣ никогда не принимался.

Кто знатныхъ въ свѣтѣ людей точно знаетъ, тотъ знаетъ и то, что они вообще всѣ имѣютъ погрѣшности, которыя тѣхъ, кои имъ преданны, и которые отъ ихъ воли зависѣть должны, благополучіе нарушать могутъ (1). Чѣмъ больше человѣкъ есть возвышенъ, тѣмъ больше онъ думаетъ, что имѣетъ право обманывать другихъ людей. Онъ проводитъ ихъ, когда они ему надобны, изрядными обѣщаніями, однако когда они къ исполненію приближаться должны, то въ то время изчезаютъ.

Знатные въ свѣтѣ люди не только мало въ себѣ имѣютъ простосердечія, но они есть еще и неблагодарные. Они имѣютъ тысячу средствъ освободиться отъ

(1) Горацій, сей придворной Философъ, сей другъ Министра и любимца Августова Мецената, говоритъ: ничто такъ непріятно для тѣхъ, которые не знаютъ, какъ дружба знатныхъ людей, а для тѣхъ, которые знаютъ, ничто такъ не ужасно, какъ таковыхъ людей дружба.

отъ такого человѣка, которой имъ знатныя оказывалъ услуги, а потомъ сталъ ненадобнымъ. Они приводятъ ему все въ омерзѣніе, они его презираютъ, и попускаютъ наичувствительнѣйшія прискорбности чувствовать: однимъ словомъ, они наконецъ до того доводятъ, что такой человѣкъ почитаетъ себя благополучнымъ, когда добрымъ способомъ можетъ отъ нихъ удалиться. Правда, ихъ мѣсто заступаетъ иной, однако и тотъ не долѣ пробудетъ, какъ до тѣхъ поръ, пока надобенъ будетъ. Сколько бъ онъ ни употреблялъ услугъ, и сколько бъ онъ съ крайнею точностію ни исполнялъ свою должность, однако придетъ то время, что онъ таковой же получитъ отпускъ, каковой получилъ тотъ, котораго онъ заступилъ мѣсто. Время, которое должно бъ было дѣлать твердѣйшимъ его щастіе, но оно кольми паче всякую минуту ускоряетъ его паденіе, и немилости его тогда точно ожидать онъ долженъ, когда думаетъ, что наибольшую какую только могъ, оказать ему услугу

Знатные люди весьма рѣдко такихъ людей избираютъ себѣ друзьями, которые достоинства имѣютъ: оное отъ того происходитъ, что они или объ людяхъ по ихъ точности разбирать не умѣютъ, или имъ кажется, что добродѣ-

шельные люди принужденное имѣютъ обхожденіе, и они боятся ихъ совѣтовъ для того, что они кажутся имъ нѣкоторымъ родомъ удержанія отъ худыхъ ихъ поведеній. Они вѣряютъ свою довѣренность такимъ людямъ, которые по своимъ нравамъ наименьше того достойны; сверьхъ того они увѣряютъ себя прежде, что они просвѣщеннѣе есть, нежели другіе люди, и они между людьми ищутъ, которымъ бы вѣрить свою дружбу, больше льстецовъ, нежели друзей.

Какъ много знатные ни притворяются, и принимая на себя иной видъ, дѣлаются тѣмъ, чѣмъ не есть, однако ихъ суетное славолюбіе, которое ихъ приводитъ, и будтобы они драгоцѣннѣйшимъ разума дарованіемъ обладали, имъ воображаетъ, приводитъ ихъ къ тому, что они коварство своего сердца открываютъ. Радость и удовольствіе, которое они чувствуютъ, когда надъ тѣми людьми, которые около ихъ близки, оказывать могутъ свое преимущество, дѣлаютъ ихъ ко всѣмъ всякаго званія клеветамъ, и злословіямъ способными; ничто не можетъ быть безопасно отъ ужалѣнія ихъ языка. „Они не могутъ укрыть, говоритъ пре„мудрой лю Брюнеръ, ихъ злости, и „ихъ особливаго удовольствія, чтобъ из-

„дѣвашься

„ дѣлаться на счетъ другихъ людей, и
„ чтобъ тѣ вещи, которыя ни мало не-
„ смѣшны, смѣшними дѣлать. Ихъ из-
„ рядныя качества открываются при пер-
„ вомъ взорѣ, которой на нихъ бросишь,
„ они есть несравненны, они впаскиваютъ
„ того въ сѣти, кто обмануть себя
„ допускаетъ, и склоннаго къ дура-
„ честву въ совершеннаго дурака прет-
„ воряютъ, однако они и тогда жъ ли-
„ шаютъ того удовольствія, которое бъ
„ они отъ человѣка, имѣющаго разумъ по-
„ лучали. Онъ противополагаетъ имъ
„ нѣкоторое постоянное существо, поза-
„ ди котораго онъ самъ укрѣпляется,
„ и содержитъ себя такимъ образомъ,
„ что насмѣшники со всѣми злыми ихъ
„ предпріятілми не могутъ получить та-
„ кого случая, чтобъ имъ на щетъ его
„ забавляться „. Изъ самыхъ большихъ не-
пріятностей, которыя, находящіеся окола знатныхъ людей, а притомъ имѣющіе благородныя мысли, сносить должны, есть шутки, которыя бываютъ тѣмъ язвительнѣе, что содержащейся въ нихъ преимущественной видъ, а иногда презрѣніе, съ которымъ они производятся, вмѣшиваютъ въ нихъ нѣкоторое извѣстное огорченіе, котораго бъ они не имѣли, когда бъ отъ приватнаго человѣка употребляны были. Бываютъ люди такой подлой

лой души, что знатныхъ людей удерживаютъ въ томъ проступкѣ, чтобъ самыхъ достойнѣйшихъ людей обижать язвительными словами и насмѣшками. Они похваляютъ такую вещь, которую хулить были бы должны, и ихъ подлое похлѣбство дѣлаетъ вѣчною такую погрѣшность, которую, можетъ быть могли бъ перемѣнить добродѣтельные совѣты. Когда бъ знатные въ свѣтѣ люди знали, сколько они въ мысляхъ другихъ людей чрезъ то, что ихъ смѣшными хотятъ здѣлать, вреда претерпѣваютъ, и сколь великую ненависть чрезъ то на себя привлекаютъ, то, можетъ быть, столько бы они осмотрѣлись, чтобъ за негодныя, и имъ никогда непристойныя шутки, явной ненависти на себя не привлекали.

Того не довольно для знатнаго человѣка, когда похочешь ему угодить, чтобъ не говорить такихъ словъ, которыя ему неправны: но нравныя ему вещи несказанно выхвалять должно; и хотя въ нихъ нѣтъ ничего похвалы достойнаго, однако надобно ихъ безпрестанно хвалить, и выводить на нихъ такія добродѣтели, каковыхъ они меньше всего имѣютъ. Не надлежитъ того опасаться, чтобъ при похвалѣ ихъ употребленная ложъ была примѣчена. Ювеналъ весьма разумно примѣтилъ, что нѣтъ такихъ, о которыхъ

бы

бы не думали, что они охотно приняты-ми быть заслужили, когда ихъ прикрываетъ богамъ подобная сила Какая жъ сія печальная и скучная должность для мудраго и добродѣтельнаго человѣка, когда онъ должень то хвалить, что хулы достойно.

Разумъ и премудрость въ тягость тѣмъ будутъ, которые чрезъ защиту знатныхъ щастія своего искать станутъ. Они принимаютъ въ свои поступки нѣчто или смѣшное или наказанія достойное, и не смотря на то, должны они или дѣлать оное, или надежду свою оставить. Они благополучнѣе были бы, когда бъ меньше разуму имѣли, потому что не такъ бы они чувствовали негодность своихъ поступковъ.

Почти не возможно себѣ представить, сколько тѣ подвержены бываютъ, которые при знатныхъ обстоятъ въ близости. Душа придворныхъ людей дѣлаетъ и думаетъ по учиненному ей впечатлѣнію отъ своего Государя, или его Министра, или любимца.

Угожденіе, которое при дворѣ дѣлать должно, похищаетъ у разума почти всѣ дѣйствія, и причиняетъ, что придворные люди дѣлаютъ такія вещи, которыя бываютъ то безумны, то ничего незначащія, иногда жалки, часто смѣшны, а рѣдко разумны. Во время владѣнія Коро-

ля

ля Французскаго Генриха III. всѣ вообще придворные люди смѣшали вмѣстѣ невоздержность съ благочестіемъ и молитвою; по утрамъ погружались они въ мерзостнѣйшія неумѣренности, а по вечерамъ присутствовали они въ ходахъ, и были одѣты какъ кающіеся грѣшники. Почти всѣ тѣ люди, которые близки знатнымъ были, тогда думали, что всѣ средства употребить должно, чтобъ здѣлаться имъ нравными, и для того жертвовали ихъ честолюбію, не только своимъ спокойствіемъ, но и своею честію. Когда Комбалъ, которой былъ любимецъ Селевковъ, и отъ жены его Королевы Стратоники жестоко любимъ былъ, во всей Сиріи обнародовалъ, что онъ для охраненія Королевы отъ всякаго подозрѣнія, приказалъ здѣлать себя кастратомъ, то нѣкоторые придворные, которые угодить Камбалу хотѣли, чтобъ у Короля имѣть чрезъ него покровительство, такую жъ властно операцію себѣ учинить приказали; и такъ здѣлались евнухами добровольно, чтобъ не потерять своей надежды, и тѣмъ лучше сыскать бы свое щастіе. Часто сіе случалось, что люди гласъ самой натуры вовсе притушили, и называть все то изрядным, что великой господинъ ни здѣлалъ, столь великой трудъ прилагали, что они и самыя варскія поступки, которыя

рыя у нихъ собственныхъ ихъ дѣтей похищали, съ полною холодностію, которая кромѣ однихъ придворныхъ людей никому не можетъ быть постижима, похваляли. Геродотъ намъ объявляетъ, что когда спросилъ Астіагъ Мидской Король у Гарпага: изрядно ли вкусомъ мясо его сына, которое онъ ему для съѣденія велѣлъ представить, то Гарпагъ отвѣщалъ, что на столѣ Королевскомъ ничего нѣтъ худаго, и что онъ все то, что его Государю угодно, почитаетъ за изрядное. Тожже Геродотъ увѣдомляетъ насъ, что Король Персидской Камбизъ, назначивъ вмѣсто мишени одного молодаго человѣка сердце, прострѣлилъ его стрѣлою, и стоячаго тутъ отца того молодаго человѣка спрашивалъ, что бъ онъ о такомъ его выстрѣлѣ думалъ? На что онъ, какъ придворной человѣкъ, отвѣтствовалъ, что онъ не думаетъ, чтобъ самъ Аполлонъ могъ стрѣлять искуснѣе. Сенека, когда говоритъ о жестокости сего тиранна, то находитъ, и почти справедливо, не столь наказанія достойнымъ сего тиранна поступокъ, какъ отвѣтъ отцовской.

Кто сіе могъ примѣтить, что придворные всѣ, а что больше, и самые малѣйшіе слѣды родительской любви погасить въ себѣ, могутъ быть въ состояніи, то больше тотъ удивляться тому не станетъ,

нетъ, что они позабываютъ благопристойность. Когда Дионисій Младшій Король Сицилійской отъ многаго пьянства почти вовсе потерялъ свое зрѣніе, то всѣ его придворные претворились въ слѣпые: они толкали другъ друга, и отъ тѣхъ толчковъ часто падали на-полъ. Искуснѣйшіе между ими дѣлали на вискахъ пукли, которыми глаза закрывали, и когда кушали, то притворялись, что блюдъ на столѣ сыскать не могутъ. Иные притворялись будто самаго Короля не видятъ, и сажались точно на то мѣсто, гдѣ прежде Король сѣлъ, то есть, самому Королю на колѣна. Александръ Великой подалъ причину, что всѣ его придворные изкривя на сторону голову носили, потому что онъ самъ такъ носилъ свою голову. Во время владѣнія Франциска I. весьма коротко подстригли свои волосы Французы, для того, что сей Государь, по причинѣ полученной имъ въ голову раны, такимъ образомъ свои волосы подстричь принужденъ былъ. Во время царствованія Франциска I. и Лудвика XIV. всѣ придворные ихъ хотѣли быть учеными, для того что они знали, что ихъ Государи любили науки и защищали.

Придворной воздухъ столь есть заразителенъ, столь великую вливаетъ слабость, и къ такому великому подверже-

нію

нїю пр҃обучаетъ, что и самые Философы, которые часто при дворѣ бывали и долго живали, добродѣтели своей чрезъ то лишились. Мало такихъ было, которые слѣдовали премудрости Солона и постоянству Калистена; они отъ большой части весьма унизились и чрезъ употребленные большимъ господамъ лести бывшей своей славы недостойными стали. Когда Анаксимандръ былъ при Александрѣ Великомъ и услышалъ ужасной громовой ударъ, то просилъ онъ сего Государя, чтобъ онъ ему признался, не тотъ ли онъ есть, которой какъ сынъ Юпитеровъ гремитъ столь ужасно. Плиній Младшій въ похвальной своей рѣчи къ Кесарю Траяну, желаетъ Риму, чтобъ боги уподоблялись Траяну, и чтобъ его за образецъ себѣ взяли. Когда Евсевїю повѣрить, то одинъ нѣкоторой Христїанской священникъ имѣлъ столько безстыдства, чтобъ сказать Константину Великому, что Константинъ заслуживаетъ не только повелѣвать на семъ свѣтѣ, но и въ будущемъ царствовать вмѣстѣ съ Божїимъ Сыномъ. Великой юриструденцїй и законодавецъ Трибонїанъ часто говаривалъ Юстинїану что онъ безпрестаннымъ одержимъ страхомъ, чтобъ Юстинїанъ, прежде нежели онъ усмотрѣть можетъ, не взятъ былъ на небо. Таковыя рѣчи оказуютъ, какъ глубоко такїе

люди, которые за весьма мудрыхъ почитались, не только въ похлѣбство, но въ подлость и лжу могли пуститься, когда у нихъ придворная жизнь похитила добродѣтель. Какія жъ сокровища могутъ наградить потерянїе сей добродѣтели, безъ которой нажитыя нами богатства никогда благополучными насъ здѣлать не могутъ?

Не было ли бы стократно лучше для Философа, чтобъ онъ жилъ какъ Дїогенъ въ бочкѣ, и тамъ сохранялъ бы невредно свою честность, нежели жить ему въ великолѣпныхъ палатахъ, гдѣ онъ то, что досталъ чрезъ неусыпное прилѣжанїе, всякую минуту потерять можетъ? Дїогенъ весьма премудро думалъ, когда упрекалъ Аристиппа, что онъ часто посѣщалъ царскїе домы: напротивъ того Аристиппъ весьма худо извинился. Оное, что употребилъ онъ къ своему оправданїю, было нѣкоторой родъ новаго его проступка. „Когда бъ Аристиппъ, сказалъ Дїогенъ, „умѣлъ быть доволенъ редькою да капустою, то бъ не прислуживалъ онъ при „дворахъ королевскихъ. Напротивъ того „отвѣтствовалъ Аристиппъ: когда бъ Дїо„генъ разумѣлъ искусство прислуживать „Королямъ, то бъ скоро онъ скучилъ редь„кою и капустою„. Я признаю, что отвѣтъ Аристипповъ весьма непристоенъ

для

для Философа; потому что онъ хотѣлъ сказать то самое, что, когда бъ Діогенъ, брося свою вольность и добродѣтель, умѣлъ бы жить великолѣпно, то бъ онъ своими огородными овощами наскучилъ. Рѣчь Аристиппова не только была непристойна, но и неправильное заключеніе имѣла; для того что оное есть извѣстно, что хотя и знаетъ человѣкъ какъ Королямъ служить, однако при кушаньѣ огородныхъ овощей можетъ себя почитать благополучнѣе, нежели въ придворной жизни. Всякъ тотъ, которой излечился отъ честолюбія, и знаетъ то зло, которое сія страсть причиняетъ, равномѣрныя о семъ мысли имѣть будетъ. Въ пропорцію одного человѣка, которой при дворѣ благополученъ, пять сотъ бываетъ другихъ, которые злополучны; и Люкреціи сказалъ справедливо, что адскія мученія чувствуетъ честолюбивое сердце. Зизифовъ адъ по мнѣнію его есть то, что мы рабскимъ образомъ выпрашиваемъ у народа почтенія, однако всегда назадъ возвращаемся печальны и смутны. Безъ щастливаго успѣху устремляться къ высокой чести, и чтобъ получить оную, сносить все то, что есть непристойно и жестоко. Оное есть трудная работа такого нещастливца, которой вскатываетъ камень на превысокую гору, а когда онъ за ослабленіемъ его силы назадъ упадаетъ,

то опять его снова вскатывать онъ долженъ.

§. IX.

ЕСТЬ ТАКАЯ РОСКОШЬ, КОТОРАЯ НЕ ТОЛЬКО СОГЛАСОВАТЬСЯ МОЖЕТЪ СЪ ДОБРОДѢТЕЛЬЮ, НО ЕЩЕ И НОВУЮ ПРИДАЕТЪ ЕЙ СИЛУ.

Надлежитъ тотчасъ съ начала примѣтить, что мы чрезъ сіе слово роскошь, спокойство мыслей и здоровье тѣла разумѣемъ. Въ сихъ двухъ вещахъ состоитъ она, и чрезъ нихъ составляетъ все наше благополучіе. Стоики и прочіе нѣкоторые Философы много противъ Епикура надѣлали спору за то, что онъ въ роскоши положилъ блаженство или благополучіе человѣческой жизни. Они для сего весьма пространныя и великолѣпныя составляли рѣчи, въ которыхъ мало правды, а можетъ быть, еще и меньше здраваго разуму состояло; потому что роскошь, о которой говоритъ Епикуръ, состоитъ въ спокойствіи мыслей, то есть, въ премудрости, разумѣ, добродѣтели и простосердечіи; и не возможно, чтобъ какой человѣкъ безъ сихъ качествъ могъ быть спокоенъ и отъ угрызенія совѣсти свободенъ; и когда здоровье, которое есть вторая часть того, въ чемъ состоитъ роскошь, ни что иное есть какъ освобожденіе

божденїе отъ болѣзни, то точно противно разуму будетъ, кто утверждать похочетъ, что принятая, по разумѣнїю Епикурову роскошь, не составляетъ вообще благополучїя нашего. Гассендїй примѣчаетъ весьма разумно, когда онъ Философїю Епикурову изъясняетъ, что изъ спокойствїя мыслей и здоровья тѣла всеконечно величайшее добро происходить должно, которое способствуетъ къ благополучїю нашей жизни. „Когда тѣло, говоритъ онъ, отъ всѣхъ болѣзней есть „свободно, какую жъ можно больше здѣлать ему выгоду? Когда мысли тихи, „что имъ совершенное спокойство вкушать попускаетъ, когда сїе величайшее „благополучїе столько вкусно, что больше человѣкъ ничего не желаетъ, и когда онъ тѣмъ, что имѣетъ, доволенъ, „что какое жъ можетъ быть ему большее „удовольствїе, какъ то, которое онъ „дѣйствительно чувствуетъ? Такъ власно, какъ сїянїе яснаго неба, когда въ „извѣстную степень придетъ, то уже не „можетъ быть ясняе: такъ и благополучїе человѣческое, когда обладаетъ здоровьемъ и спокойствїемъ мыслей, то „не можетъ увеличиться больше. Добро, „которое ему снаружи приходитъ, правда, что укрѣпляетъ его здоровье и сохраняетъ оное отъ злыхъ припадковъ,

„ однако чрезъ то умножить его не мо-
„ жетъ „.

Цицеронъ истощилъ все свое красно-рѣчіе, чтобъ мнѣніе Епикурово опровергнуть: онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ только доходила рѣчь, противо роскоши вооружался. Онъ утверждалъ, что она есть вреднѣйшее и смертельнѣйшее всего того, что только натура на людей наложила, что она страсти въ молодыхъ людяхъ воздвигаетъ, что она владѣнія и республики опровергаетъ, что она есть источникъ всѣхъ золъ, непріятельница добродѣтели, и ядъ разума; что больше, что она людей въ скоты превоpяетъ. Цицеронъ могъ бы уменьшить себѣ труда, чтобъ такими ругательствами противъ роскоши наполнять свои книги, когда бъ онъ разсмотрѣлъ натуру той роскоши, о которой Епикуръ думалъ. Сей мудрой человѣкъ далече отъ того отдаленъ былъ, чтобъ онъ подъ именемъ роскоши, разумѣлъ тѣ жестокія страсти, которыя непорядочнымъ нашимъ похотямъ безъ разсужденія удовольствіе дѣлать понуждаютъ; потому что сіи страсти должны быть называны безумісмъ, а не роскошью; а по крайней мѣрѣ такъ Епикуръ думалъ, такъ и Гассендій между прочими многими послѣдователь сего древняго Философа, изъясняя его мнѣнія въ трактатѣ о стра-

стяхъ,

стяхъ, которой сообщенъ при концѣ его сочиненій, изданныхъ подъ титуломъ Синтагма Епикуровой Философіи, изобразилъ весьмь довольно. Что касается до меня, то я думаю, что Цицеронъ умышленно притворялся, будто онъ не зналъ, что разумѣлъ Епикуръ подъ симъ словомъ роскошь, чтобъ чрезъ то получить способъ къ употребленію своего краснорѣчія противъ сего Философа. Онъ иногда умышленно искалъ привязки, чтобъ могъ надменными своими мнѣніями превозноситься, а особливо, когда Епикурейцовъ, которыхъ онъ терпѣть не могъ, чрезъ то повредить думалъ. Возможное жъ ли сіе дѣло, чтобъ такой просвѣщенной Философъ, каковъ онъ былъ, не могъ увидѣть той несправедливости, которую онъ Епикуру дѣлалъ? Сенека, которой былъ ревностной и строгой Стоикъ, однако признается, что та роскошь, о которой говоритъ Епикуръ, весьма умѣренная и воздержная; и учитель западной церкви Августинъ столь много любилъ сего Философа, что, говоритъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, конечно Епикура предпочелъ бы онъ прочимъ другимъ Философамъ, когда бъ онъ безсмертію души вѣрилъ. Сенека и Августинъ конечно были такъ прозрительны, какъ и Цицеронъ, и они конечно бъ его не похвалили, когда бъ имѣли въ подозрѣніи, что

ту роскошь, которую ему приписалъ несправедливо Цицеронъ, положилъ онъ за основанїе благополучїя.

Многїе другїе писатели, которые противъ Епикура писали, были въ такомъ же разположенїи, какъ и Цицеронъ. Они на сего Философа такое мнѣнїе всклепали, какого онъ никогда не имѣлъ, и непорядки нѣкоторыхъ изъ его учениковъ причли ему въ вину, которые, чтобъ подкрѣпить нѣкоторымъ видомъ распускную и негодную ихъ жизнь, ученїе его во зло употребляли. Надлежитъ особливо примѣтить, что все то, что противники Епикуровы, въ противность его мнѣнїя, о роскоши говорили, сему, чрезъ разумъ доказанному и чрезъ опытъ и угодность всѣхъ тѣхъ людей, которые прямо его понимаютъ, подтвержденному мнѣнїю, никакого вреда не учинило. Сїи писатели не на мнѣнїе Епикурово, но на родившееся въ ихъ мозгу привидѣнїе чинили, которое нигдѣ не могло сыскаться, какъ только въ однихъ ихъ воображенїяхъ; и за мнѣнїе Епикурово ими было оглашаемо.

Роскошь сега Философа не только непротивна есть добродѣтели, но она придаетъ еще ей новую силу, и дѣлаетъ ея, такъ сказать, живѣйшею, обходительнѣйшею и надобнѣйшею. Стоикъ есть дикой человѣкъ, котораго справедливость

всегда

всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто жестокое, которой думаетъ о себѣ что онъ посреди мученїя благополученъ, и слѣдственно за зло почитаетъ, что тѣ которые страждутъ, жалуются и злополучными себя почитаютъ. Напротивъ того Епикуреецъ есть тихъ и сожалителенъ; онъ беретъ участїе въ болѣзняхъ другихъ людей, и объ нихъ сожалѣетъ. Однимъ словомъ, онъ обладаетъ добродѣтелїю обходительнаго и честнаго человѣка: а добродѣтель Стойкова есть подобна добродѣтели какого нибудь нелюдима, которой невеселыя свои мысли во всѣхъ своихъ дѣлахъ разсыпаетъ, и чрезъ то весьма утоляетъ ихъ цѣну.

§. X.

УМѢРЕННОСТЬ ДѢЛАЕТЪ ЧИСТѢЙШИМЪ И НЕПРЕРЫВНЫМЪ ИСТИННОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

Кто свои прихоти умѣрять умѣетъ, тотъ въ своемъ теченїи жизни къ благополучїю весьма великой получилъ успѣхъ. Почти всѣ люди препровождаютъ жизнь свою въ такихъ желанїяхъ, которыхъ получить не могутъ: или когда ихъ получатъ, то опять новыя желанїя возрастаютъ. Въ волнувшемся морѣ не больше валовъ, какъ сколько въ ихъ сердцѣ прихотей считать можно. Изъ нашихъ желанїй одни есть безпорядочны,

а другїя вредны; иныя есть мерзостны и ужасны; бываютъ такїя, которыя смѣшны и безрассудны; бываютъ же и такїя, которыя съ разумомъ и добродѣтелїю согласны; однимъ словомъ, все то, что дозволено, и все то, что наказанїя достойно, есть желанїй человѣческихъ предметовъ.

Когда требовать того отъ людей, чтобъ они никакихъ желанїй не имѣли, оное будутъ тожъ самое, чтобъ требовать отъ нихъ, чтобъ они людьми быть перестали; потому что бываютъ разныя желанїя, которыя людямъ есть натуральны: они служатъ больше къ ихъ содержанїю, и напоминаютъ имъ то, что потребно. Сїе есть весьма натуральная вещь, чтобъ желать ѣсть, пить, спать или ходить, для того что наша натура голодъ, жажду, сонъ и невыгоду всегдашняго сидѣнїя и лежанїя, чувствовать намъ допускаетъ. Равномѣрно поступаетъ тотъ сходно съ разсудкомъ, которой своимъ родственникамъ, своимъ друзьямъ и прочимъ честнымъ людямъ благополучїя желаетъ; однако есть инаго роду прихоти, которыя столько суть вредны и ненавидимы, сколько сїи нужны и похвальны. Сколько ни порочны и ни безразсудны суть сїи прихоти, однако влекутъ они насъ съ такою жестокостїю, что ничего

чего больше не остается, какъ только человѣку ихъ удовольствовать. Человѣкъ обѣжжаетъ земли и водыі; онъ предаетъ свою жизнь воинскимъ опасностямъ; пренебрегаетъ дружбу, также родительскую и дѣтскую любовь; измѣняетъ своему отечеству, что больше, онъ оставляетъ Бога и законъ; и послѣ столь многихъ ужасныхъ пороковъ, случается часто чрезъ справедливое наказаніе, что не только того, чего желалъ не получаетъ, но и свое, что ни имѣлъ, теряетъ. Чрезъ исканіе имѣнія чрезмѣрнаго похищаетъ онъ свое нужное, и то щастіе, котораго онъ отъ новаго благосостоянія ожидаетъ, отнимаетъ у него оное, которое дала ему натура. Сколько мученій и скорбей онъ претерпитъ, чтобъ быть ему богатымъ, однако совсѣмъ тѣмъ остается бѣденъ; а притомъ лишается своего здоровья; онъ вдавался въ опасность своей жизни, чтобъ удовольствовать чрезмѣрное свое честолюбіе; правда, онъ не дочитается одной своей руки, однакожъ не произведенъ за то; онъ измѣнилъ своему другу, чтобъ тѣмъ угодить своему Государю, однако Государь сію измѣну хотя и употребилъ въ свою пользу, только жъ противъ самаго измѣнника получилъ омерзѣніе; онъ премѣнилъ законъ, потому что думалъ сы-

скать чрезъ то случай отмстить тѣмъ, которые въ оставленномъ имъ законѣ пребываютъ; однако онъ какъ отъ тѣхъ, къ которымъ перешелъ, такъ и отъ тѣхъ, которыхъ оставилъ, презрѣнъ бываетъ.

Когда бъ люди не были такъ ослѣплены, то бы свою жизнь, которой предѣлъ столь есть кратокъ, не предавали безпокойству страху и надеждѣ, только для одного того, чтоъ удовольствовать скупость свою и честолюбіе. Они бы предусматривали, что искомое ими благополучіе не заключается въ тѣхъ вещахъ, которыхъ они искали; они бы усмотрѣли, что истинное человѣческое благополучіе состоитъ въ спокойствѣ мыслей и здоровьѣ тѣла, и что его въ другомъ чемъ сыскать не возможно; они бы примѣтили, что не многаго требуетъ тѣлесная натура. Для утоленія болѣзни не имѣетъ она надобности въ великолѣпныхъ палатахъ, или въ пространныхъ садахъ, мраморными и металлическими статуями украшенныхъ; она довольна натуральнымъ ковромъ травы зеленой; она при свѣжемъ и пріятномъ источникѣ и подъ тѣнію деревъ чувствуетъ то увеселеніе, которое здравіе съ собою приноситъ. Для чего жъ выдумываетъ человѣкъ столь много предпріятій, чтобъ получить великія вещи, которыя къ его благополучію ненужны,

нужны, и какъ здравія, такъ и спокойства мыслей удѣлить ему не могутъ.

Монтанье, отъ котораго Французы научились разсуждать, подаетъ намъ весьма истинное и разумное начертаніе о бѣдности людей знатныхъ. „Щадитъ ли его, „говоритъ онъ объ одномъ знатномъ „человѣкѣ, лихорадка, головная болѣзнь „и подагра? Конечно не больше того „какъ и насъ. Когда въ его старости „обезсилѣютъ его плеча, освободятъ ли „отъ того его драбанты? Когда одолѣетъ его страхъ смерти, можетъ ли онъ „надѣяться защищенія отъ своихъ Камерѣюнкеровъ? Когда обладаетъ имъ „ревность и упрямство, можетъ ли привесть его въ порядокъ сниманіе нашей „шляпы? Постеля золотомъ и жемчюгомъ украшенная, не имѣетъ силы избавить отъ колотья и успокоить рѣзь „въ его желудкѣ? При малѣйшемъ припадкѣ отъ подагры, помогаетъ ли то „ему, что его Королемъ, и Ваше Величество называютъ, или умаляетъ ли „онъ ту болѣзнь, при напамятованіи о „своихъ дворцахъ и о своемъ высочествѣ? и когда онъ въ гнѣвѣ, то препятствуетъ ли ему Королевское его „состояніе, чтобъ онъ не былъ то блѣденъ, то красенъ, и чтобъ онъ какъ „бѣснующейся не скрежеталъ зубами?

„Самое

„Самое малѣйшее поколотье булавкою, и „самая малѣйшая душевная страсть, въ „состоянїи есть огорчить удовольствїе „Монархїи всего свѣта „.

Натуру весьма легко можно успокоить, какъ съ стороны мыслей, такъ и съ стороны тѣла. Чтобъ учинить спокойной и довольной духъ, нѣтъ нужды стараться о высокихъ чинахъ или желать чрезмѣрнаго богатства; довольно того, чтобъ любить добродѣтель, и малымъ быть довольну, потому что мы мало требуемъ нужнаго. Небо даетъ намъ оное, когда мы освободимъ себя отъ всякаго излишества. Чѣмъ больше желаемъ мы обогатиться, тѣмъ больше умножаемъ мы нашу жадность, и тѣмъ больше удаляемся мы отъ того благополучїя, котораго ищемъ. Что жъ бы дало намъ такое вышшее наше состоянїе, чего бъ мы не могли сыскать въ посредственномъ состоянїи нашемъ? Кто умѣетъ быть довольнымъ посредственнымъ щастїемъ, тотъ по справедливости есть богатъ. Кто о своей надобности учреждаетъ по натурѣ, тотъ никогда не будетъ бѣденъ, а кто учреждаетъ по другимъ своимъ мнѣнїямъ, тотъ никогда богатъ не будетъ.

Не надобно быть Философомъ для того, чтобъ усмотрѣть, сколько есть ненужны богатства для полученїя истиннаго

го

го благополучія; а только одно то узнать должно, на какой конецъ служитъ богатство и прочія таковыя великія вещи. Когда жъ онъ ясно усмотритъ, что онѣ не могутъ здѣлать его благополучнымъ, но напротивъ того многимъ людямъ обладающимъ ими онѣ вредны, то увѣренъ будетъ, что такое состояніе, въ которомъ есть одно только то, что необходимо потребно есть лучшимъ отъ того, въ которомъ жить можно со излишествомъ. Пускай только мы разсмотримъ, въ чемъ бы состояло то преимущество, которое великіе люди изъ своихъ сокровищъ и знатности получаютъ. Когда они ищутъ достать себѣ богатства, или оное умножить, то привлекаютъ на себя тысячныя безпокойства; когда изъ нихъ дѣлать пристойное употребленіе и ихъ раздѣлять порядочно и разумно, то должно подвергнуть себя безконечнымъ попеченіямъ и трудностямъ. Ихъ знатность также властно имъ въ тягость, какъ и богатство. Когда Государь есть добродѣтеленъ, то долженъ онъ въ правленіи и благополучіи своего государства несказанно много трудиться, и долженъ представлять собою такого отца, которой дѣтей своихъ въ согласіи и изобиліи содержать обязанъ; и хотя которой Государь и недобродѣтеленъ, то однако

чего

чего онъ изъ любви къ своимъ подданнымъ не станетъ дѣлать, то оное для собственной своей пользы дѣлать долженъ. Опасность, чтобъ его сосѣди не отняли части его владѣнія, довольною есть причиною тысячныя приключатъ ему безпокойства. Всякой знатной господинъ, по причинѣ своего состоянія, тысячу конечно долженъ имѣть прискорбностей, отъ которыхъ приватной человѣкъ есть свободенъ; и по тому будетъ сіе безумно, чтобъ желать ихъ року и ихъ состояніе почитать за благополучнѣйшее, нежели такого человѣка, которой отъ свѣтской суеты удалился, честолюбія не имѣетъ; по тому что имѣетъ, доволенъ, и послѣ добродѣтели за драгоцѣннѣйшій даръ неба почитаетъ здоровье. Анакреонъ весьма искусно совѣтуетъ тѣмъ людямъ, которые къ честямъ и сокровищамъ немогущимъ благополучными ихъ здѣлать, устремляются, а оное, что благополучными ихъ здѣлать можетъ, пренебрегаютъ.

„Когда бъ чрезъ золото и серебро про-
„длить дни своей жизни было можно,
„то бъ я скопить неисчетныя сокровища
„ревностно старался, чтобъ я блѣдную
„смерть, когда она похочетъ возложить
„на меня свою руку, чрезъ драгоцѣнной
„подарокъ удержать отъ того возмогъ
„бы.

„ бы. Когда жъ золотомъ не могу я про-
„ длить своей жизни нитки, то что жъ
„ помочь можетъ рабской страхъ, попе-
„ печенія и безпокойство, которыя толь-
„ ко время наше прекращаютъ? И такъ
„ отнынѣ, любезные мои други, буду
„ я впредь съ постоянными мыслями ожи-
„ дать моего року, и пока оной придетъ,
„ то безпрестанно буду съ вами веселить-
„ ся, пить, шутить и забавляться „.

Правда, что конецъ сихъ мыслей Анакреоновыхъ никакого ученія въ себѣ не заключаетъ, которое бъ служило къ человѣческому благополучію, потому что какъ мы впредь покажемъ, что въ сей жизни никакое истинное благополучіе безъ умѣренности быть не можетъ: однако начало сего Анакреонова мнѣнія, наипремудрѣйшаго Философа есть достойно.

Пускай кто имѣетъ богатства сколько хочетъ, однако совсѣмъ тѣмъ онъ не можетъ быть благополученъ, когда опять одно за другимъ новыхъ богатствъ желаетъ. Жадность получать то, чего кто желаетъ, препятствуетъ чувствовать ему цѣну того, что уже у себя имѣетъ; и такъ будетъ онъ прихотей своихъ дѣйствительнымъ невольникомъ. Излишнее богатство и наше воображеніе, чтобъ безпрестанно новыя производить желанія, всеконечно должно будетъ ввергнуть насъ

въ

въ таковую бездну, которая ни краевъ, ни дна не имѣетъ, за что бы, или на чемъ бы намъ удержаться. Однако когда кто тѣмъ, что имѣетъ, есть доволенъ, и когда то, что скупые и честолюбивые въ наружныхъ обстоятельствахъ сыскать уповаютъ, самъ въ себѣ находитъ, то чувствуетъ онъ истинную цѣну того, что у себя имѣетъ: онъ вкушаетъ то въ тихомъ спокойствіи, которое чистѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ дѣлаетъ оное. Скупой, которой чтобъ быть богатымъ, таскается по всей Европѣ, не разумѣетъ такъ пріятности сна, какъ тотъ житель, которой живетъ въ своемъ домѣ спокойно. Первой тѣ минуты, которыя онъ посвятилъ сну, почитаетъ за такое время, въ которое онъ пропустилъ въ исполненіи дѣлъ его; не смотря на то, что еще отягченъ сномъ, вскакиваетъ онъ поутру рано; а другой весьма спокойно спитъ до тѣхъ поръ, доколѣ онъ хочетъ. Когда онъ проснется, то чувствуетъ въ изрядномъ состояніи свои мысли и тѣло, которыя принесъ ему вкушаемой имъ покой; онъ есть спокоенъ, веселится, ѣстъ и пьетъ, и однимъ словомъ: все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ съ веселостію. Напротивъ того утомленной слабостію скупяга, во всемъ томъ, что ни ѣстъ, не находитъ вкусу: онъ не веселится, о малѣйшей самой вещи досадуетъ

досадуетъ или безпокоится, и своею горькою желчію все то удовольствіе заражаетъ, которое для того человѣка, которой за тѣмъ что мало требуетъ, то весьма много имѣетъ, есть столь чисто и любезно.

§. XI.

ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ БЕЗЪ УМѢРЕННОСТИ.

Умѣренность, хотя бы и не была добродѣтелію, однако для того добра, которое она въ духѣ нашемъ производитъ, заслуживаетъ быть любима; а сверьхъ того за тѣ преимущества, которыя производитъ она въ нашемъ тѣлѣ, должна быть почитаема; потому что она есть то, которое сохраняетъ наше здоровье и лечитъ наши болѣзни. Можемъ ли жъ мы быть благополучны, когда жестокія болѣзни претерпѣваемъ, когда мы отъ подагры страждемъ, когда нашъ желудокъ не таковъ, какову ему быть должно, когда наши слабыя и опухлыя ноги больше носить насъ отрекаются, когда наша грудь одышкою изнуряется и съ крайнимъ трудомъ дыханіе наше производить намъ дозволяетъ? Сіи, и сему подобныя злы, всеконечно нашей неумѣренности слѣдствіемъ бываютъ.

По самой справедливости дорого покупается то удовольствіе, чтобъ пить по

по нѣскольку рюмокъ вина, когда за него платится наижесточайшими болѣзнями. Ежели по разсужденію заключеніе злѣлать, то кто любитъ роскошь, тотъ тѣмъ больше умѣренность любить долженъ; потому что она дѣлаетъ долговѣчную роскошь. Умѣренность не есть недругъ увеселенію: она его еще укрѣпляетъ, а излишество отметаетъ она для того, что знаетъ, что сама чрезъ него уничтожена будетъ.

Умѣренность столько жъ для мыслей нашихъ надобна, сколько и для тѣла. Когда ослабѣетъ и опустится тѣло то оное и душа наша чувствуетъ для того что она слабостію тѣла угнѣтается. Бываетъ и то, когда человѣкъ страждетъ или есть слабъ, то и духъ его живости и спокойствія не имѣетъ, и слѣдственно благополучія его дѣлать не можетъ. Неумѣренные люди обыкновенно бываютъ смутнаго и угрюмаго духа. Когда они ядятъ и пьютъ, то вино и кушанье даетъ имъ нѣкоторой родъ живости, однако какъ скоро жаръ тѣхъ паровъ, которые той живости были причиною, пройдетъ, то и она исчезаетъ. Сіи люди подобны такимъ лампадамъ, которыя уже погасаютъ, и въ которыя по нѣскольку капель масла вливать должно, чтобъ тѣмъ содержать огонь. Однако ихъ блескъ скоро кон-

кончится; потому что не много требуется минуть къ згорѣнію влитаго туда масла.

Неумѣренность всегда есть причиною многимъ прискорбностямъ, когда она воздержаніемъ удерживаема не будетъ. Она часто подаетъ способъ ко многимъ преступленіямъ: она богатыхъ людей понуждаетъ дѣлать превеликіе расходы, а у бѣдныхъ дѣлаетъ то, что они издерживаютъ больше, нежели доходу имѣютъ. Богатые состоятъ въ опасности, что не всегда могутъ жить такъ великолѣпно: они проживаютъ свое имѣніе и о томъ жестоко печалятся, что его проживаютъ. Они драгоцѣннаго питья и кушанья оставить не могутъ, однако тужатъ, что оное многихъ имъ денегъ стоитъ. Что жъ касается до бѣдныхъ, то учиненные свои расходы часто они награждаютъ чрезъ убивство, воровство и грабежъ, когда ихъ желудокъ есть подобенъ отверстой пропасти, требуетъ насыщенія.

Надобность умѣренности снискивается обыкновенно уже поздо, и въ то время ея цѣна узнаваться начинается, когда чрезъ причиненные отъ неумѣренной жизни непорядки пособить ей уже не возможно. Я самъ видѣлъ печальныя отъ того слѣдствія, кои тѣмъ, которые были сами имъ свидѣтелями, увѣщаніемъ быть

быть должны были; однако не многіе были такъ разумны, чтобъ они то увѣщаніе употребили въ свою пользу. Другіе жъ, привлеченные своими страстьми въ неумѣренность, уготовляли сами себѣ то злополучіе, котораго страшились; однако они надѣялись на свое крѣпкое здоровье, и ласкали себя, что они того злополучія избѣгнутъ. Между тѣмъ пришла болѣзнь, здравіе ихъ пришло въ опасность, надежда ихъ пропала, а на мѣсто ихъ заступило безполезное сѣтованіе.

§. XII.

ОБИДЫ ПОЗАБЫВАТЬ, А ЗЛЫХЪ И ГЛУПЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ ПРЕЗРѢНІИ ИМѢТЬ ДОЛЖНО.

Нанесенныя обиды позабывать, и тѣмъ, которые насъ озлобили, прощать, есть къ благополучію человѣческой жизни столько потребно, какъ и поступки по правиламъ съ добродѣтелію сходнымъ. Злоба огорчаетъ лучшіе наши дни, и ядомъ напояетъ всѣ наши удовольствія: что больше такое сердце, которое обладаемо ненавистію и злобою, не можетъ вкушать совершеннаго благополучія.

Всякъ бы того любилъ, когда бъ каждой то содержалъ въ памяти, что когда кто своему врагу прощаетъ, то тѣмъ самимъ ему отомщеваетъ, для того что

драгоцѣннѣе есть не то, чтобъ тѣ чувствовали наказаніе, которыхъ мы не любимъ, но то, чтобъ честныхъ людей высокопочитанія мы удостоились. Чрезъ то отнимаемъ мы, чтобъ вредить насъ, у недруговъ нашихъ всѣ средства, и чрезъ то къ тому мы ихъ приводимъ, что они или всю свою честь потеряютъ, или въ учиненной намъ несправедливости признаться будутъ должны

Разумной человѣкъ долженъ нанесенную ему несправедливость сносить властно какъ, какъ стужу, жаръ, дождь и вѣтръ онъ терпитъ. Сіе есть такое зло отъ котораго укрыться не въ его состоитъ волѣ, и отъ котораго добродѣтель его и честь ничего не спражденъ. Отъ ихъ оскорбленія, которое безвинно чувствуетъ, столько мало онъ претерпѣваетъ, сколько тѣ святые, которыхъ не обузданная еретиковъ дерзость, тѣла и иконы обругала. Величайшіе люди отъ учиненныхъ имъ обидъ были нечувствительны; они тѣхъ, отъ кого оскорблены были, за малолѣтныхъ или за глупыхъ почитали; и для того о нихъ сожалѣли. Когда Катонъ хотѣлъ присовѣтовать Римскому народу, чтобъ онъ не принималъ нѣкотораго закона, тогда платье съ плечъ у него сорвали, и съ публичнаго мѣста, гдѣ бывали говорены рѣчи, даже до воротъ Фабіевыхъ его прогнали. Хотя возмущи-

мутители безостступно за нимъ гнались, и на него плевали и ругали, однако его крѣпкой духъ нимало отъ того не преклонился, и ни мало отъ сего оскорбленія не пришелъ въ движеніе.

Хотя тѣхъ, которые насъ оскорбили, наказывать не должно, однако иногда того требуетъ нужда и обходимость, чтобъ чрезъ наказаніе или унять ихъ, умножать свои проступки, или чтобъ отъ таковыхъ людей прочихъ безопасными здѣлать. И для того требуетъ общежительства благосостоянїе, чтобъ съ ними поступать по самой строгости; однако не должно при томъ своихъ страстей примѣшивать, но кольми паче желаніе мщенія отдалять отъ себя должно. Ихъ надлежитъ смирять, какъ глупыхъ, которымъ чрезъ нѣкоторыя средства получить ихъ разумъ вспомоществуется, или какъ ребятъ, которые чрезъ нужное для нихъ наказаніе, смирнѣйшими и примѣчательнѣйшими становятся.

Не вступая въ тѣ безпокойства, которыя чрезъ злобу и желаніе мщенія недругамъ нашимъ, благополучїе наше нарушаютъ Пускай позабудемъ тѣ обиды, которыя мы отъ нихъ получили, а притомъ увѣрены быть можемъ, что скоро ли или не скоро отомстятъ имъ за насъ другіе люди Злые люди всегда получаютъ за свои дѣла награду, и наконецъ платятъ справедливости подлежащую отъ нихъ подать.

Тѣ люди, которые насъ безъ причины поносятъ, пускай будутъ имѣть самыя большія преимущества, въ разсужденіи ихъ знатности и силы, однако мы можемъ на томъ увѣриться, что не останется безъ наказанія тотъ ихъ поступокъ. И самой монаршей престолъ не можетъ ихъ защитить отъ того нещастія, которое за безвинное поношеніе другихъ претерпѣть они должны. Кесаря Калигулы смерти, не такъ была причиною его жестокость, какъ язвительныя его издѣвочныя рѣчи. Онъ во время одного банкету ругательно шутилъ надъ Валеріемъ Азіатическимъ, о смѣшныхъ жены его минахъ. Хорею, которой хотя былъ и весьма храбръ, однако имѣлъ женской видъ, когда Калигула отдавалъ пароль, то употреблялъ сіи слова въ паролѣ: *Венера или Пріялъ*. Сіи оба отомстили послѣ Калигулѣ, не точію за свои, но и за другія чиненныя имъ многимъ людямъ ругательства. Между сообщниками Хорей первой ударъ произвелъ на Калигулу, и тѣмъ ударомъ разрубилъ ему горло.

Когда бъ мы за благовременно привыкли презирать чинимыя намъ отъ глупыхъ похвалы, и когда бъ насъ то удовольствіе, чтобъ отъ кого нибудь быть хвалимымъ, не столь много ослѣпляло, и заставляло о себѣ вѣрить, будто чрезъ ихъ похвалы мы кажемся лучшими, нежели каковы

состоитъ по самой справедливости; то бы мы и учиненную намъ отъ нихъ несправедливость презирали, и столько жъ бы мало ихъ ругательства въ досаду насъ приводили, сколько бъ мало и похвалы ихъ насъ ласкали. Однако отъ несказанной и крайнѣ достойной отрыновенія слабости нашей то происходитъ, что мы устремляемся къ похваламъ отъ глупыхъ намъ чинимымъ, и изъ того-то сіе слѣдуетъ, что мы отъ ихъ ругательствъ и поношеній претерпѣваемъ досаду, которая когда бъ мы разумно мыслили, должна бъ быть пріятною для насъ вещію; потому что когда наши поступки похваляемы бываютъ отъ глупыхъ, то и мы имѣемъ нѣчто общаго съ ими; когда жъ глупые насъ хулятъ, то уже явнымъ есть доказательствомъ, что мы имъ неподобны. Страхъ Перикловъ, которой опасался, не наговоритъ ли онъ какихъ дурачествъ, потому что за свою рѣчь отъ всего народа публично былъ похваляемъ, былъ бы весьма полезенъ тѣмъ людямъ, которые жадничаютъ похвалъ, отъ кого бъ они ни были. По чему жъ то можетъ насъ трогать, что хулятъ насъ глупые люди? Разумные люди во всегдашнія времена много отъ нихъ хулимы были и ругательства претерпѣвали, что болше, они разумныхъ людей смѣшными учинить хотѣли. Для чего жъ отъ сего всеоб-

общаго права желаемъ мы быть свободны? Солдатъ, котораго все достоинство состоитъ въ томъ, что состоитъ у городскихъ воротъ на карауле, ходитъ по валу рундомъ, и иногда нападаетъ на непріятеля, стоя передъ пятьюдесятьми человѣками, властно какъ звѣрь, что ходитъ напередъ передъ стадомъ, которое слѣдовать за нимъ обыкло, и которой въ темныхъ чертахъ въ одномъ или другомъ полку старѣется и умираетъ: такой человѣкъ, хулитъ и ругаетъ науки, презираетъ тѣхъ, которые прилѣжатъ къ нимъ, и что больше, нападаетъ на нихъ ругательными словами; для чего жъ бы о способѣ мыслей такого человѣка удивлять? Они еще и прежде у подобныхъ таковымъ людямъ были. Уже тому тысяча семьсотъ лѣтъ, какъ жаловался на нихъ Персей: а безъ сомнѣнія еще и прежде его таковые жъ жалобщики были. „Кажется „мнѣ, говоритъ сей стихотворецъ, что „слышу я рѣчь, козломъ смердящаго Цен„туріона, которой говоритъ: я весьма „доволенъ тѣмъ разумомъ и премудростію, „которыя имѣю. Меня то ни мало не „безпокоитъ, что я не Арцезилай и не „Солонъ, которой голову поддерживаетъ „рукою, глаза безпрестанно въ землю „устремляетъ, нѣкакія ничего незнача„щія слова ворчитъ себѣ подъ носъ, „и день и ночь такими мыслями себя „мучитъ, *изъ ничего будетъ ничто*,

„ *ничто не может быть ничтожнее*, которыя „ мечтательнѣе есть сновъ болѣзнію людей „ одержимыхъ. Не изрядно жъ ли сіе? „ Для сысканія ли столь превеликой истин- „ ны, бѣднѣете вы отъ сидѣнья надъ „ книгами, и о пищѣ и питіи позабывае- „ те? Подлостія угодны таковыя рѣчи, а „ наши молодые люди изо всей силы то- „ му смѣются „. Сіе есть истинное изображеніе тѣхъ, которыхъ мы повсядневно видимъ. Худыя и невкусныя издѣвки употребляются отъ многихъ людей, которые ни разума ни разсужденія силы не имѣютъ. Должны жъ ли мы объ томъ крушиться, что оное отъ начала бытія людей началося, и съ концемъ людей окончается?

Число злыхъ и глупыхъ велико; а число мудрыхъ и разумныхъ людей мало. Станемъ же мы то презирать, что большой толпѣ людей угодно; и когда мы въ семъ утвердимся, то и учиненныя намъ отъ глупцовъ и злыхъ людей оскорбленія презирать будемъ. Подъ именемъ большой толпы людей, не одинъ простой народъ и разумѣю но и всѣхъ тѣхъ людей, въ какихъ бы они достоинствахъ ни были, которые ни разуму ни добродѣтели не имѣютъ. Они неразумны, то мнѣнія ихъ таковы жъ властно какъ мнѣнія младенцовъ, которые совершенныхъ лѣтъ еще не достигли, и они младенцамъ совершенно подобны. Младенцы во время своей игры

дѣля-

дѣлаютъ сами изъ себя судей, генераловъ, священниковъ и знатныхъ людей; а сіи люди, въ судейскихъ палатахъ, въ арміи, въ Соббонской академіи, и въ своихъ домахъ таковыя жъ игры производятъ. Одно только различіе между ими и младенцами состоитъ въ томъ, что младенцы орѣхи, карты и жантоны собираютъ и прячутъ, а сіи люди захватываютъ къ себѣ золото, серебро и деревни; однако и притомъ столько жъ мало оказываютъ въ себѣ разсужденія силы. Они оба равномѣрно непостоянны, равномѣрно склонны къ полученію своихъ желаній, безъ изслѣдованія, сходны ль они съ добродѣтелію и разумомъ, равномѣрно злоетны, когда не опасаются себѣ наказанія, равномѣрно лишены того предусматриванія, которое изъ основательной разсужденія силы происходитъ, и слѣдственно равномѣрно жъ они неспособны обругать разумнаго человѣка.

§. XIII.

СТАРАНІЕ ПОТРЕБНО, ЧТОБЪ ИСПРАВИТЬ НАШЪ РАЗУМЪ, КЪ НАШЕМУ БЛАГОПОЛУЧІЮ.

Сіе есть невозможное дѣло, чтобъ мы цѣлымъ душевнымъ спокойствомъ наслаждались, въ которомъ состоитъ истинное наше благополучіе, когда мы не будемъ стараться нашъ разумъ исправить, и всѣмъ цѣлымъ наполнить, что можетъ

дѣлать его прямымъ и просвѣщеннымъ. Весьма сіе трудно, чтобъ тотъ человѣкъ, которой не есть премудрой, могъ быть самъ собою доволенъ; а кто самъ собою не доволенъ, но чтобъ быть благополучнымъ, имѣетъ надобность въ другой какой помощи, тотъ уже не будетъ почитаемъ за такого человѣка, которой вкушаетъ благополучіе жизни; потому что случается часто имѣть недостатокъ въ той помощи, отъ которой благополучіе его зависитъ, и какъ скоро оное случится, то уже становится онъ злополучнымъ. Теряетъ тотъ все свое время, которой кому его не употребляетъ, чтобъ чрезъ надобное разсужденіе противъ случающихся въ человѣческой жизни припадковъ могъ укрѣпиться, тѣмъ что оно, подаетъ намъ въ руки средства, чрезъ которыя мы отъ злоупотребленія щастія ухранимся, а въ нещастіи постоянны пребывать можемъ. Надлежитъ о разумѣ столько жъ имѣть попеченія, какъ и о своемъ тѣлѣ: потому что отъ состоянія разума, зависитъ все благополучіе нашей жизни: должно о полученіи его неусыпно стараться: для того, что онъ есть таковъ, какъ лампада, въ которую когда масла приливать не станешь, то погаснетъ.

Различіе между разумомъ и тѣломъ въ томъ состоитъ, что тѣло отъ многаго труда и работы ослабѣваетъ, а разумъ онъ

отъ труда ободряется. Сколь больше разумъ трудится, столь больше получаетъ онъ крѣпости; сама старость, которая повреждаетъ все тѣло, не можетъ ничего приключить разуму, когда онъ приведенъ будетъ до нѣкотораго возвышеннаго бытія, которое его отъ всѣхъ нападковъ старости защищаетъ. Цицеронъ весьма изрядно примѣчаетъ, что проступка, лѣховѣрныхъ и сумнѣнныхъ стариковъ не ихъ старости, но ихъ праздности, лѣности и безприлѣжности приписывать должно. И хотя молодость жару и гнѣву больше подвержена, нежели старость, однако сіи проступки не всѣмъ молодымъ людямъ общія, а только они у тѣхъ бываютъ, которые злые нравы имѣютъ: также властно видѣть можно, что не всѣ старые люди простоваты, но случается оное только у имѣющихъ малые и посредственные духи. И такъ должны мы разумъ почитать за сокровище, которое намъ во всякое время нужно, и котораго мы не много умножить можемъ.

Разсмотренія не только нужны, но и пріятны бываютъ. Они дѣлаютъ душѣ двойное удовольствіе, и сохраняютъ ея отъ причиняемой отъ долгаго медленія скуки, которая для спокойствія мыслей есть вредительнымъ ядомъ, и драгоцѣнѣйшее добро она портитъ. Человѣкъ, которой художества и науки любитъ,

никогда не бываетъ праздень, но всякую минуту пребываетъ въ упражненіи; и въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился, то всегда онъ имѣетъ съ собою такое нѣчто, которое его нѣкоторымъ пріятнымъ способомъ забавляетъ. Хотя науки и для всякаго времени человѣческой жизни полезны, однако чѣмъ кто старѣе, тѣмъ они ему нужняе. Молодымъ служатъ они къ будущему ихъ содержанію; посредственнаго вѣку людямъ бываютъ они товарищами; а старикамъ становятся они утѣшителями.

Ученіе подаетъ намъ тысячныя средства, какимъ образомъ мы скуку, которая насъ злополучными здѣлать сильна, прогонять можемъ. За многодѣленные мысли весьма легко такія вещи забываютъ, которыя, когда бъ они праздны были, крѣпкое бъ въ печатлѣніе въ нихъ учинили. Также и тѣлесныя болѣзни чрезъ ученіе облегчаются; когда душа въ нѣкоторыхъ пріятныхъ вещахъ упражняется, то и не примѣчаетъ, чего не достаетъ тѣлу. Самая старость, когда жизнь свою въ ученіи препровождаетъ, не попускаетъ чрезъ непріятные припадки чувствовать тѣхъ отягощеній, которыя насъ въ старости младенчествовать заставляютъ. Таковая старость приходитъ безпримѣчательно; въ ней здѣлается человѣкъ съ горбившимся и согнувшимся, а какъ оное пришло, того и не чувствуетъ: и хотя правда, что

что въ древности къ концу своему приближается, однако ею безвременно не пригнѣтается. Такимъ способомъ Невтонъ, Бургавъ и Беособре состарѣлись; и до нашихъ временъ таковая жъ старость продлилась славнаго Фонтенеля. Всѣ самые великіе бывшіе въ древности люди, всю свою жизнь въ исправленіи своего разума упражнялись. Софоклъ въ крайней своей старости сочинялъ трагедіи; увѣряютъ, что онъ имѣлъ тогда сто лѣтъ, когда сочинилъ трагедію названную *Едилъ*. Когда примѣтили его дѣти, что чрезъ великое прилѣжаніе, которое употреблялъ онъ къ сочиненію сей штуки, сталъ онъ нестарателенъ въ правленіи своего дому, то употребили оное въ предлогъ, чтобъ онъ, править свое имѣніе, за неспособнаго отъ судей былъ признанъ. Софоклъ вмѣсто своего оправданія, подалъ судьямъ прочесть оконченную уже свою трагедію названную *Едилъ*, и по прочтеніи оной, когда ихъ спросилъ, сія штука такимъ ли сочинена человѣкомъ, которой потерялъ разумъ, то въ принесенной на него отъ дѣтей его жалобѣ былъ онъ оправленъ.

§. XIV.

ХОРОШЕЕ ИЗБРАНІЕ ДРУЗЕЙ, ТАКЪ ЖЕ БЛАГОПОЛУЧІЮ НАШЕМУ СПОСПѢШЕСТВУЕТЪ.

Избраніе нашихъ друзей имѣетъ существенное съ нашимъ благополучіемъ

емъ сопряженіе Отъ нихъ въ щастіи совѣты, а въ нещастіи утѣшенія мы получаемъ. Они наши подпоры, въ какомъ бы состояніи мы ни обрѣтались; а лучше никакихъ не имѣть друзей, нежели имѣть ихъ худыхъ и слабыхъ: потому что мы надѣясь на нихъ, не можемъ имѣть ихъ помощи въ нашей нуждѣ; къ тому жъ когда бы мы ихъ не почитали за такихъ людей, отъ которыхъ мы существенныхъ услугъ ожидать можемъ, то бъ иные принимали мы мѣры, чтобъ другимъ образомъ ту надобность наградить было можно.

§. XV.

ИЗБРАНІЕ ЖЕНЫ ВО ВСѢХЪ НАШИХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ УЧАСТІЕ ИМѢЕТЪ; СЛѢДСТВЕННО И САМОМУ БЛАГОПОЛУЧІЮ НАШЕМУ СЛУЖИТЪ ПОДПОРОЮ.

Не многіе люди имѣютъ столько терпѣнія, сколько имѣлъ Сократъ: и съ каковымъ нравомъ женщина, съ каковымъ была Ксантиппа, есть такое зло, котораго всего больше въ благополучіи человѣческой жизни бояться должно. Сіе не слѣдуетъ вообще ко всѣмъ женщинамъ; потому что таковыя, о каковыхъ я говорю, бываютъ и мущины; когда для мущины есть нещастіе имѣть злую и упорную жену, то и для женщины таковое жъ нещастіе, быть въ поселѣніи

ремни-

ревниваго, безпокойнаго, необходительнаго грубаго и скупаго мужа.

Супружество еще изъ древнихъ временъ много въ себѣ опаснаго имѣло; а между нами случается оно еще хуже. То зло, которое людямъ чрезъ супружество приключалось, прежде сего могло быть уничтожено разводомъ; а нынѣ супружества суть непремѣнны. Они чрезъ наши законы связаны неразрѣшимыми узами, которыхъ ни что иное, какъ только одна смерть развязать можетъ. Возможно ли жъ что ни будь ужаснѣе себѣ представить, какъ жить всегда съ такою персоною, которой нравы намъ противны, и которой поступки мы презираемъ, которая персона, вмѣсто того, чтобъ изыскивать отъ насъ къ ней почтенія, насъ еще больше, нежели мы ея, ненавидитъ, которая съ гордостію нашимъ намѣреніямъ противится, которая то удовольствіе, кое имѣть мы можемъ, чрезъ чинимыя намъ досады, ядомъ напаяетъ, и въ досадахъ и прискорбностяхъ нашихъ веселія своего ищетъ? Всего чудеснѣйшее есть оное въ обрядахъ нашихъ, что мы, довольно видя, сколько слѣдствія худой женидьбы для насъ опасны, однако всегда женимся, обыкновенно не вывѣдывая нравовъ той женщины, съ которою вѣчно сопрягаемся. Мы по большой части женимся, или по принужденію родителей

нашихъ, или чтобъ быть на своей волѣ, и быть самому себѣ господиномъ, или для приданаго, или для знатной родни невѣстиной, чрезъ которую честь получить себѣ уповаемъ, и для тысячныхъ прибыльныхъ своихъ намѣрений, а никогда почти не женимся, для изрядныхъ невѣстиныхъ нравовъ, или для собственнаго ея достоинства. Сіи два послѣднія качества, при бракахъ большой части людей столь мало разбираются, что три части тѣхъ, которые женились, а наипаче нѣкоторые люди мало и говаривали съ своими невѣстами, а иногда ихъ потуда не видали, покуда брачной договоръ совсѣмъ заключенъ былъ, и рядная роспись къ подписанію уже была заготовлена. Таковой безразумной поступокъ, по справедливости заслуживаетъ такова наказанія, которое онъ обыкновенно за собою привлекаетъ. Въ торгахъ и договорахъ по прочимъ общежительнымъ дѣламъ, превеликая употребляется осторожность, чтобъ не обязаться съ такими людьми, отъ которыхъ не можно быть безопасну. Пок да написанъ будетъ какой контрактъ или запись, то прежде освѣдомляемся мы о честности того, съ кѣмъ въ договоръ вступаемъ: однако безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованія, вступаемъ мы въ обязательства съ такою персоною, которая намъ понравилась,

видась, и отъ которой все наше благополучїе зависитъ. Раскаяніе, которое послѣ того слѣдуетъ, есть излишнее дѣло, и средства, которыми умножающееся всякой день зло отвратить желаемъ, бываютъ тщетными. При семъ случаѣ не помогаютъ никакія Философскія заключенія. Сенека, и прочіе почитаемые за учителей человѣческаго рода, пускай свое краснорѣчіе и изрядное ученіе, сколько хотятъ, употребляютъ; оное есть великолѣпно, въ ихъ книгахъ; однако тотчасъ оно исчезаетъ, когда дѣло къ опыту придетъ. Можно объ нихъ тожъ самое сказать, что говоритъ Плавтъ въ своей комедіи называемой *Руденсъ*: „Я былъ „недавно на театрѣ, и слышалъ весьма „преизрядныя нравоученія, чинимыя тамъ „отъ комедіантовъ. Весь народъ оными „былъ доволенъ; а какъ скоро всякъ до„мой возвратился, то никто больше объ „нихъ и не думалъ„. Когда которой мужъ преслѣдуемъ есть своею женою, когда она его поноснымъ своимъ житьемъ обезчеститъ, когда приведетъ его въ крайнюю бѣдность, и когда она всякія прескучнѣйшія хлопоты ему наноситъ; тогда всѣхъ Философовъ совѣты къ его спокойствію способствовать не могутъ. Епикетъ въ пятой главѣ своего Енхиридіона можетъ говорить, сколько хочетъ, сими словами: „Какъ скоро придетъ тебѣ по-

„мыслъ

„ мыслѣ прискорбный, будь готовъ ска-
„ зать: что помыслъ сей есть одно толь-
„ ко пустое воображеніе, а самое дѣло
„ не таково, каково мнѣ кажется. По-
„ томъ изслѣдуй его прилѣжно, употре-
„ бляя правила, которымъ ты уже на-
„ учился, а наипаче первое, которое въ
„ томъ состоитъ, чтобъ разсмотрѣть
„ то, что теперь въ умѣ моемъ пред-
„ ставляется, изъ числа ли оно вещей
„ намъ подвластныхъ или неподвластныхъ.
„ Ежели изъ числа сихъ послѣднихъ,
„ тотчасъ признай, что оно до тебя не
„ касается „. Весьма легкая вещь писать, что на хлопотливыя дѣла должно смотрѣть какъ на пустыя воображенія; однако сіе ученіе къ исполненію есть невозможное. Когда жена Кесаря Марка Аврелія поноснымъ своимъ житьемъ его обезчестила, то сей Государь, каковъ ни былъ великой Философъ, смотрѣлъ на сей ея поступокъ съ превеликою прискорбностію. Сенека, которой былъ строгой Стоикъ, обиды почиталъ такъ же за пустыя воображенія, однако совсѣмъ тѣмъ былъ онъ сообщникомъ въ возмущеніи противъ Нерона. Второе правило въ семъ нравоученіи Епиктета, есть для мужа столько жъ мало полезно, какъ и первое. Напрасной бы былъ трудъ, когда бъ кто мужа уговорить хотѣлъ; ты отъ
жены своей обезчещенъ, ты приведенъ
отъ

отъ нея въ крайнюю бѣдность, она все имѣніе твое промотала, она съ подозрительными людьми обхожденіе имѣетъ: однако оное все есть вещь неподвластная. Чего жъ ты о томъ тужишь, оное вить не отъ тебя происходитъ: состоитъ ли жъ то въ твоей власти, чтобъ быть тебѣ рогатымъ, или нѣтъ? то для чего жъ ты и крушишся объ ономъ? Есть нѣкоторыя имѣнія, которыя вмѣстѣ съ нами родятся, и отъ самаго нѣжнаго младенчества столь глубоко впечатлѣнны въ наши мысли, что загладить ихъ невозможное есть дѣло. И хотя иногда бывали такія души, что довольно имѣли силы, отъ всѣхъ преклонностей совершенно отдалишься, однако ихъ такъ малое число было, что изъ ихъ примѣру не возможно для всѣхъ людей всеобщаго правила здѣлать.

Избраніе любовницы имѣетъ съ благополучіемъ жизни нашей таковое жъ сопряженіе, какъ избраніе и жены. Одно только имѣетъ то преимущество избраніе любовницы, что можно ея оставить, а избрать другую: напротивъ того избраніе жены таковой перемѣны имѣть не можетъ. Однако дѣйствительно влюбленное сердце часто не бываетъ столь сильнымъ господиномъ надъ собою, чтобъ властвовать въ учрежденіи такой перемѣны. Оно оковано такими цѣпьми, которыя невсказанно отъ всѣхъ есть крѣпчае, которыя

рыя намъ законы налагаютъ; любовь въ вѣчномъ невольничествѣ держитъ сердце. Мало ли такихъ любовниковъ видѣть можно, которые цвѣтущіе свои дни подъ тиранскимъ симъ повиновеніемъ препровождаютъ? Ихъ тѣло и духъ чрезъ жестокость ихъ любви слабѣетъ; а что всего печальнѣе, часто они славу свою и честь чрезъ то теряютъ. Они проживаютъ свое имѣніе, и въ своихъ должностяхъ неприлѣжны становятся: нѣтъ ни чего такого въ свѣтѣ, чего бъ они не предпринимали, когда оное ихъ страсти ласкать можетъ; они теряютъ свое наслѣдіе, которое ихъ предки съ большимъ трудомъ присовокупили, и употребляютъ его на дѣланіе себѣ платья, нарядовъ и экипажу.

Бываютъ такія женщины, которыя не интересантки, однако не смотря на то, они всегда есть опасны; они употребляются Сиренамъ, которыя слышащихъ ихъ прелестной голосъ, въ погибель приводятъ. Ласкаютъ они иногда любовнику для того только, чтобъ въ непремѣрномъ жару содержать его любовь, а притомъ его обманывать, чтобъ то, которое онѣ другимъ вкушать допускаютъ, предъ нимъ было закрыто? Однако всѣ чинимыя предосторожности для закрытія ихъ невѣрности бываютъ тщетны: наконецъ ревнивость ихъ любовника, открываетъ ихъ тайныя и наказанія достойныя поступки.

Не-

Надлежитъ довольно примѣчать за тою любовницею, которая свои дѣла и поступки закрывать передъ любовникомъ старается; потому что оное довольнымъ есть признакомъ, что она притворяется, и есть обманщица. Когда она разсудительна, и истинныя достоинства имѣетъ, то не имѣетъ причины опасаться, хотя бы о всѣхъ ея поступкахъ любовникъ могъ быть извѣстенъ; и хотя бы она и такія дѣла здѣлала, которыя нѣсколько и похуленія были бъ достойны, однако чрезъ такой чистосердечной поступокъ, обязанъ будетъ любовникъ притти въ таковое разсужденіе, что нѣтъ ничего такого прелестнаго, которое бъ въ себѣ какого недостатка не имѣло.

Надлежитъ почитать въ любовницѣ не красоту ея лица, но красоту ея нравовъ; и каждой тотъ человѣкъ, которой влюбляется въ женщину, только для одного того, что она есть прекрасна, подобенъ безумному человѣку, которой смотря на тихое море, пускается въ него въ маленькой лодкѣ; потому что оное, чѣмъ онъ обманулся, не защититъ его во время будущаго жестокаго штурму. Щастливѣйшимъ и продолжительнѣйшимъ страстямъ не бываетъ красота дѣйствіемъ, но бываетъ имъ дѣйствіемъ разумъ, которой при добромъ сердцѣ удостоиваетъ женщину, на только любовію, но и почтеніемъ.

§. XVI.

§. XVI.

НЕ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ, ЕЯ НЕ СТРАШИТЬСЯ, ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ОЖИДАТЬ БЕЗЪ ЖЕЛАНІЯ ПРОДОЛЖЕНІЯ И БЕЗЪ СТРАХА ПРЕКРАЩЕНІЯ ЖИЗНИ, ПРЕДЛАГАЕТСЯ СЛѢДУЮЩЕЙ СПОСОБЪ.

Когда люди любили добродѣтель, основанія честности прилѣжно бъ наблюдали, и гнушалися бы порокомъ, то бъ всеконечно смерти не боялись. Они смотрѣли бъ на нея, какъ на окончаніе того времени, которое тотъ, что опредѣлилъ намъ быть на семъ свѣтѣ, по своему соизволенію, бытію нашему назначилъ; они бы назначеннаго имъ отъ Бога року дожидались, и не безпокоясь о такой вещи, которую отвратить или ухраниться отъ ея они несильны, принимали бъ каждой прошедшей день, какъ даруемой имъ отъ Бога подарокъ; однако многихъ людей наказанія достойныя поступки есть тому причиною, что столь сильно чувствуютъ они страхъ смерти. Какъ приходитъ имъ въ мысль смерть, то тотчасъ сіе представленіе дѣлаетъ ихъ унылыми; они иногда посреди ихъ банкетовъ, и при обхожденіи съ ихъ любовницами того страшатся. Они боятся, когда безсмертіе душъ вѣрятъ, такой минуты, въ которую они въ своихъ дѣлахъ отчетъ дать должны, и получить достойно заслуженное имъ наказаніе.

Тѣ,

Тѣ, которые себя уговорили, что послѣ смерти нѣчего имъ бояться, ужасаются смерти также властно какъ и другіе люди. Они состоятъ въ несказанномъ страхѣ, потерять вѣчно тѣ веселости, которыя они высочайшимъ своимъ благополучіемъ поставляли; прекращеніе сего увеселенія, которое въ глазахъ мудрыхъ людей столь есть презрительно, производитъ въ нихъ тожъ самое дѣйство, что у вѣрующихъ безсмертію души, страхъ въ будущей жизни наказанія производитъ. Они обое взору смерти равномѣрно несказанно страшатся: только одни добродѣтельные мудрецы, отъ страха смерти безопасны. Они знаютъ, что при всегдашнемъ страхѣ отъ смерти не могутъ быть они истинно благополучны, и сей ничѣмъ инымъ, какъ только одною добродѣтелью побѣжденъ быть можетъ. И потому крайнѣ надобно, чтобъ любить добродѣтель, и тотъ честнымъ человѣкомъ быть долженъ, которой онаго спокойствія духа, безъ котораго истинное благополучіе пребывать не можетъ, достигнуть желаетъ.

Когда мы не имѣемъ чѣмъ быть упрекаемы, и когда мы сію жизнь къ тому склоняемъ, къ чему она опредѣлена отъ вышней власти, то для чего жъ мы ея оставить боимся? Она для насъ есть такой даръ, которой опять возвратить намъ

должно.

должно. Мудрой человѣкъ такимъ образомъ ея оставить долженъ, будто бы онъ возвратился съ пиршества, куда былъ призванъ; не смѣшно жъ ли бы сіе было, когда бъ онъ похотѣлъ требовать отъ хозяина, чтобъ онъ безконечно всякой день угощалъ его таковымъ же банкетомъ?

Не дано ль же право натурѣ требовать назадъ такой жизни, которая подарена не съ чѣмъ инымъ, но съ тѣмъ договоромъ, что назадъ ея возвратить должно? о всѣхъ вещахъ есть крѣпко узаконенной и непремѣнной порядокъ, что все приходящее къ извѣстной точкѣ древности изъ числа вещей исключается, и чрезъ то пріемлющее новое, красоту свѣта умножаетъ. Натура вспомоществуетъ себѣ, какъ чрезъ истощеніе вещей, такъ и чрезъ произращеніе новыхъ. Тѣ которые прежде насъ были, очистили намъ мѣсто; возможемъ ли жъ мы справедливо отрицаться, чтобъ для пользы слѣдующихъ послѣ насъ, того жъ самаго учинить мы не были должны? Мы въ разсужденіи чинимой нами имъ таковой уступки, тѣмъ больше спокойны остаться можемъ, что и они, когда къ намъ ихъ очередь придетъ, таковую жъ уступку учинятъ другимъ, и когда они свое теченіе приведутъ къ концу, то такому жъ року, какъ и мы, подвержены будутъ. Древность похищеніемъ смерти была, а наши потомки таковымъ же похище-

хищеніемъ смерти будутъ; по какому жъ праву мы хочемъ быть отъ онаго похищенія безопасны? Мы на нашу жизнь никакого учиненнаго съ нами договору показать не можемъ; то мы и разпредѣленіемъ оной должны быть довольны.

Когда бъ мы тысячу милліоновъ лѣтъ жили, то бъ мы не увидѣли ничего больше, какъ только что мы жили, и то, что около насъ было, могли видѣть. Натура держитъ предъ нами, какъ въ настоящемъ такъ и въ прошедшемъ времени, одно зеркало, въ которомъ мы о будущемъ разсуждать, и что впредь въ неизмѣримыя столѣтствія будетъ, предусматривать можемъ.

Наше благополучіе состоитъ не въ долготѣ жизни, но въ употребленіи оной, когда мы по надлежащему оную употреблять умѣть будемъ. „Станемъ мы, говоритъ Горацій, почитать каждой день „за послѣдней нашей жизни, чрезъ что, „оное время, которое къ нашему бытію „угодно было, опредѣлить Богамъ, будетъ „дня насъ пріятнѣе„. И по самой справедливости, для чего жъ хотимъ мы о будущемъ дни крушиться? Станемъ только мы жить спокойно, а нашихъ дней незамай столько будетъ, сколько Богу угодно, однако станемъ мы настоящее время употреблять въ нашу пользу. Та минута, которая прошла, есть для насъ уже ни-

что:

что: а о той, которая впредь будетъ; состоимъ мы въ безъизвѣстіи.

Тѣ, которые смерти для того ужасаются, что дѣтей своихъ, чести свои и любовницъ своихъ утратятъ, должны разсудить, что Крассъ богатѣйшій изъ всѣхъ Римлянъ, Юлій Кесарь обладатель республики Римской, Пріямъ лучшей отецъ изъ всего свѣта, Петъ нѣжнѣйшій супругъ, и Леандръ вѣрнѣйшій любовникъ, всѣ они вообще долгъ смерти заплатили. Будетъ же ли разумно то, чтобъ того требовать, чего и тѣ, которые всѣмъ тѣмъ, что человѣческую жизнь пріятною можетъ дѣлать, въ высочайшемъ степени обладали, получить не въ состояніи были?

Хотя бы мы многія столѣтствія могли продолжать нашу жизнь, и были бы такъ долго вѣчны какъ и сей свѣтъ; однако жъ смерть, которая когда нибудь нашей жизни учинитъ конецъ, была бъ должна, столько жъ бы намъ ужасною казалась. „Вѣчность времени, говоритъ Люкреціи, подобна есть всѣмъ людямъ: и тотъ, которого видимъ сего дня въ гробъ положеннаго, будетъ невозвратнаго времени таковою жъ жертвою, какъ и тотъ, которой за многіе годы изключенъ изъ числа живущихъ„.

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИМЪ РАЗСУЖДЕНІЯМЪ
Г. д' АРЖАНСА.

Господинъ Маркизъ д' Аржансъ въ разсужденіяхъ своихъ о благополучной жизни, а наипаче въ §. VII. и въ XIV. упоминаетъ о необходимости общежительной жизни: то для того изъ той же Философіи переведены его разсужденія о пріятности такой общежительной жизни, которой разсужденія здѣсь сообщаются.

РАЗСУЖДЕНІЯ
О
ПРІЯТНОСТИ
И
ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ.

ПАРАГРАФЫ.

I. *О избраніи общества.*

II. *О пользѣ, происходящей отъ хорошаго общества.*

III. *О нравахъ, которые хорошему обществу неприличны.*

IV. *Съ знатными людьми пріятностей общежительной жизни вкушать не возможно.*

V. *О нравахъ, которые для общества приличны.*

VI. *Къ хорошему и къ худому обществу женщины не неспособны.*

VII. *О нужности общества.*

VIII. *О средствахъ, какимъ образомъ хорошее общество изыскать можно.*

§. I.

О ИЗБРАНІИ ОБЩЕСТВА.

Надлежитъ оное за извѣстное основаніе поставить, что пріятности нашей жизни зависятъ отъ пріятностєй общества. Тотъ человѣкъ, которой ей людьми грубаго, скучнаго и порочнаго нраву осужденъ жить, стократно нещастливѣе того, которому судьба въ ужаснѣйшей пустынѣ жить опредѣлила. По крайней мѣрѣ, въ такомъ уединеніи онъ наслаждался тѣмъ удовольствіемъ, что не подвергнутъ тому злу, которое отъ обращенія съ негодными и развращенными людьми раждается.

Хорошей человѣкъ, которой тихаго и обходительнаго нраву, когда живетъ въ непріятномъ обществѣ, можетъ сравненъ быть съ такимъ учтивымъ и вѣжливымъ Европейцомъ, которой въ варварскія страны сосланъ въ ссылку. Я совершенно въ томъ увѣренъ, что многіе люди, посреди самыхъ знатныхъ Европейскихъ городовъ таковы жъ бываютъ нещастливы,

какъ и Овидій былъ нещастливъ въ сылкѣ его въ Паннонїи. Они отъ тѣхъ людей, съ которыми обхожденїе имѣютъ, больше чувствуютъ жестокости, невѣжливости и нахальства, нежели сыскалъ онаго сей Латинской Стихотворецъ у тѣхъ варварскихъ народовъ, между которыми жизнь свою окончилъ.

Сїе невозможное дѣло, чтобъ не могли мы потерять веселаго нашего нрава, когда всякой день находимся мы въ неправномъ намъ обществѣ. Нѣтъ такого въ свѣтѣ темперамента, сколь бы онъ ни былъ веселъ, чтобъ могъ устоять противо всегдашняго принужденїя. Наконецъ живость уступитъ мѣсто скукѣ, а скука прегратится въ задумчивость. Часто случается, что мысли наши такъ же огорчаются, и много изъ своихъ изрядныхъ разположенїй теряютъ. Движенїя сердца обыкновенно упокоиваются на тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ состоятъ мысли. Человѣкъ, которой въ благополучномъ и спокойномъ состоянїи, къ похвальнымъ поступкамъ устремлялся бъ, бываетъ вмѣсто того унылъ и нерадѣтеленъ, когда онъ печалїю и безпокойствомъ отягчается.

Сколько бы кто ни имѣлъ скуки и нещастїя, однако противъ всѣхъ сихъ припадковъ, находитъ онъ въ пріятности

любви

любви достойнаго общества надежное для себя убѣжище. Тамъ безпокойство чрезъ дружескіе совѣты прогоняется; печали, чрезъ разумное утѣшеніе утоляются; страхъ чрезъ обѣщанное вспомогательство изгезаетъ; сомнѣніе чрезъ надежду, которою насъ ласкаютъ, оканчивается. Всѣ сіи преимущества истекаютъ изъ хорошаго общества. Оно удѣляетъ намъ здравое наставленіе, которое намъ препятствуетъ, въ гордость, ревность и гнѣвъ попускается; и сіе наставленіе тѣмъ вящшее производитъ дѣйство, что оное отъ добраго сердца, а не отъ желанія надъ нами господствовать или повелѣвать происходитъ. Ничто такъ нещастно, какъ такой совѣтъ, которой похожъ на приказъ, или на упреки. Самолюбіе наше чрезъ то только возмущается. Впрочемъ отъ такихъ людей, которые въ нашихъ обстоятельствахъ для того только принимаютъ участіе, чтобъ могли имѣть удовольствіе, худить наши поступки, и предписывать намъ нѣчто по своему соизволенію, инымъ способомъ совѣтовъ ожидать не возможно.

Добро, которое происходитъ отъ хорошаго общества, есть столь важно и зло, котораго отъ худаго общества мы ожидать должны, есть такъ мучитель-

но, что разумной человѣкъ всѣ свои силы прилагать долженъ, чтобъ сыскать для себя съ достойными любви людьми обхожденїе. Подъ симъ именемъ, худое общество, я разумѣю не то, что состоитъ изъ такихъ людей, которые производить злыя дѣла склонны. Потому что нѣтъ ни одного такого съ благородными рожденнаго мыслями человѣка, которой бы не зналъ того, что въ семъ случаѣ требуетъ отъ него его должность. Я говорю здѣсь только о такомъ грубомъ обществѣ, въ которомъ такого дружелюбїя, учтивства, веселости, чистосердечїя, почтительной вольности, и однимъ словомъ, такихъ пріятностей сыскать не можно, которыя благополучїе жизни нашей составляютъ, и безъ которыхъ душа того спокойства, въ которомъ состоитъ бытїе истиннаго удовольствїя, вкушать не можетъ.

Кто хочетъ точно узнать высокую цѣну любви достойнаго общества, тотъ самъ долженъ быть въ немъ участникомъ, и не возможно, чтобъ когда мы одинъ разъ таковымъ благополучїемъ наслаждались, могли безъ него пробыть въ состоянїи. Мы когда лишимся онаго, то станемъ весьма слабы и унылы, и что намъ не достаетъ ничего существеннаго, всегда чувствовать будемъ. Мы будемъ

трудиться напрасно чтобъ оное наградить другимъ какимъ способомъ. Потеряніе хорошаго общества ничемъ награжденно быть не можетъ. Оно есть послѣ добродѣтели и свидѣтельства доброй совѣсти наилучшее добро между всѣми добрами. Оно услаждаетъ всѣ веселости; оно даетъ имъ нѣкоторую особливую цѣну; оно очищаетъ ихъ и просвѣщаетъ; оно отсѣкаетъ отъ нихъ что есть порочнаго и мятежнаго, не умаляя ни малѣйшаго чего отъ ихъ живости. Я хочу сказать нѣчто, которое тѣмъ, что вкушали хорошее и худое общество нечрезвычайнымъ показаться можетъ. Любви достойной человѣкъ, живетъ только столь долго, сколь долго живетъ въ хорошемъ обществѣ. А кромѣ его находится онъ въ ослабѣвшемъ и скучномъ состоянiи, которое нѣкоторому роду сонной болѣзни подобно.

Однако надлежитъ хорошее общественное обхожденiе раздѣлять съ хорошимъ дружескимъ общественнымъ обхожденiемъ. Можетъ имѣть кто тридцать лѣтъ съ хорошимъ обществомъ обхожденiе, однако никогда онъ пріятностей дружескаго общества вкушать не будетъ. Человѣкъ выѣзжаетъ всякой день, чтобъ препровождать большую часть дни въ собранiи, состоящемъ изъ тридцати женщинъ и

пятидесяти мущинъ. Онъ видитъ въ томъ обществѣ людей, и они его видятъ. Онъ поздравляетъ ихъ, и они его поздравляютъ. Онъ играетъ съ ними три или четыре часа. Когда игра кончилась, то отъѣжжаетъ онъ домой, или съ тридцатью персонами ужинать онъ остается. Такой человѣкъ вкушаетъ обхожденіе хорошаго общества, однако онъ не имѣетъ никакого понятія о дружескомъ обществѣ. Напротивъ того тотъ, которой повсѣдневно съ тремя или четырьмя разумными женщинами, или съ четырьмя или пятью любви достойными мущинами, бываетъ вмѣстѣ, которой большаго шуму убѣгаетъ, которой съ немногими персонами обхожденіе имѣетъ, и только между ими обращается, тотъ человѣкъ знаетъ то, что называется *хорошимъ и дружескимъ обществомъ*.

§. II.

О ПОЛЬЗѢ ПРОИСХОДЯЩЕЙ ОТЪ ХОРОШАГО ОБЩЕСТВА.

Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ преимуществахъ, которыя хорошее общество съ собою привлекаетъ. Я уже здѣлалъ примѣчанія, что оно сердца преображаетъ, и благородныя мысли укрѣпляетъ. Теперь намѣренъ я разсмотрѣть о томъ добрѣ, которое оно въ разумъ вливаетъ.

Ничто

Ничто такъ больше не превозноситъ нашу лу́шу, какъ когда мы въ полезныхъ вещахъ упражняться привыкнемъ. Можно упражняться въ пріятномъ, а притомъ и полезномъ способѣ. Хорошее общество обогащаетъ насъ удовольствіемъ, пріятнымъ препровожденіемъ и укрѣпляющими разумъ забавами: можно сыскать во ономъ увеселительные, а притомъ нравоучительные разговоры; и часто весьма больше получается пользы отъ обхожденія съ достойными любви друзьями, нежели отъ тѣхъ часовъ, которые въ своемъ кабинетѣ въ скучномъ уединеніи препровождаются. Одно изъ знатнѣйшихъ преимуществъ хорошаго общества состоитъ въ томъ, что оно препятствуетъ разуму привыкать къ глупымъ и непристойнымъ разговорамъ, которые въ обыкновенныхъ собраніяхъ бываютъ въ употребленіи. Какія жъ ребячьи сказки и ни къ чему годныя болтанія произносятся повседневно въ обыкновенныхъ собраніяхъ и обществахъ? Какія жъ не дѣлаются тамъ смѣшныя разсужденія и примѣчанія о правленіи государственномъ и о обстоятельствахъ знатныхъ господъ? Какое жъ множество производится тамъ романомъ подобныхъ мнѣній? Однако всего брезгливѣе, когда тамъ женщина или пешимеръ вычитаютъ свои обмороки, головныя болѣзни, и препровожденныя въ безсонницѣ ночи.

Кто жъ можетъ быть отъ того безопасенъ, чтобъ не въ хорошо избранномъ обществѣ не напасть на такихъ людей, о которыхъ сказать можно, что они сотворены для того только, чтобъ здравой разумъ безпокоить и мучить? Они не перестаютъ говорить, однако говорятъ ни что иное, какъ только одни дурачества, которыя съ нѣкоторою особливою важностію произносятъ. Когда кто нибудь свой разумъ употреблять тамъ похочетъ, то тотчасъ налагаютъ ему молчаніе, и никоимъ образомъ не дадутъ выговорить ни слова. Самыя лучшія и способнѣйшія мысли, при частомъ съ такими людьми обхожденіи скоро ль, или не скоро умалиться будутъ должны, и много изъ своей исправности и пріятнаго существа потеряютъ. Расположеніе мыслей тѣхъ людей, съ которыми мы обхожденіе имѣемъ, со временемъ дѣлаютъ нѣкоторое вліяніе и въ наши мысли; и потому выигрываемъ мы столько жъ много въ хорошемъ обществѣ, сколько въ худомъ теряемъ. Мы столько жъ принимаемъ на себя пріятное и учтивое существо любви достойнаго человѣка, сколько въ противномъ случаѣ послѣдуемъ безумному существу грубаго и невѣжливаго человѣка. Мысли обыкли по впечатлѣвать въ себя, что часто имъ представляется. То, что имъ

съ

съ начала покажется тягостію, приходитъ и кажется по времени весьма натурально, и что они почитали прежде за непристойное, почитаютъ послѣ за посредственное, а иногда и за похвальное дѣло. Надлежитъ по большой части людей добродѣтели и пороки приписывать добрымъ или худымъ примѣрамъ. Когда мы внутренность нашего сердца изслѣдовать, и въ совѣтъ призвать похочемъ, то увидѣть можемъ, что разположенія мыслей тѣхъ людей, съ которыми мы частое обхожденіе имѣемъ, всегда сильное вліяніе въ наши поступки производятъ.

§. III.

О НРАВАХЪ, КОТОРЫЕ ХОРОШЕМУ ОБЩЕСТВУ НЕПРИЛИЧНЫ.

Хотя всѣ испорченные нравы общественной жизни противны, однако бываютъ такіе, которые наибольше передъ другими онымъ удобны. Я хочу здѣсь о немногихъ только припомнить, кои по моему мнѣнію, съ тѣмъ тихимъ и пріятнымъ существомъ, которое душу хорошаго общества составляетъ, никоимъ образомъ согласоваться не могутъ.

Есть люди гордыхъ и кичливыхъ нравовъ, которые хотя разумъ и имѣютъ, однако оной ни на что иное не употребляютъ, какъ только сами себя выхваляютъ, и чрезъ то другихъ достоинства вредить

стараются. Они терпѣть ниже не могутъ, чтобъ кто другой, кромѣ ихъ былъ похваляемъ: имъ кажется сія чинимая другимъ похвала воровствомъ, которое отъ подлежащихъ имъ похвалъ похищается. Они требуютъ, чтобъ только объ однихъ ихъ суетилися, разговаривали только объ однихъ ихъ высокихъ дарованіяхъ, вспоминали только объ однихъ ихъ дѣлахъ, и читали только однихъ ихъ сочиненія. Сіи люди въ общественной жизни несносны. Человѣкъ мало въ себѣ имѣющей суетнаго славолюбія, наконецъ прискучитъ шѣмъ, что онъ безпрестанно глупца хвалить долженъ, которой за вымученную неслыханную похвалу только однимъ презрѣніемъ платитъ.

Я признаю, что въ непристойное время сіе употреблено будетъ, когда въ присутствіи тѣхъ людей, что не много достатку имѣютъ, говорено будетъ о не великихъ доходахъ, о богатствахъ и о драгоцѣнныхъ вещахъ. Чрезъ то воспоминается, конечно не во время неблагополучное ихъ состояніе, и такимъ способомъ дѣлаетъ имъ оное общество непріятнымъ. И для того уединеніе охраняетъ ихъ отъ такихъ упрековъ, чинимыхъ ихъ нещастію, котораго они не заслужили, и помощи дать ему не могутъ.

На-

Находятся часто въ свѣтѣ такіе люди, которые, чтобъ все имъ рѣшить, безумное желаніе имѣютъ. Они употребляютъ нѣкоторыя особливыя непонятныя рѣчи, кои они выдумали сами, и которыя имъ есть свойственны. Они говорятъ о достоинствахъ Виргилія и Тита Ливія одинакими выраженіями. Имъ то неизвѣстно, что одинъ былъ Стихотворецъ, а другой Историкъ, а знаютъ они ихъ только по тому, что нѣкоторая персона, на которой вкусъ они полагаются, хвалила ихъ какъ искусныхъ писателей. Они изъ того дѣлаютъ особливую важность своему рѣшенію: *что они есть божественные, и что никто съ ними сравниться не можетъ.* Когда съ ними вступишь въ изслѣдованіе нѣкоторыхъ не большихъ ошибокъ, которыя сіи писатели имѣютъ, то потому что оныя имъ неизвѣстны, не примаютъ они ничего въ разсужденіе, что бъ о томъ сходнаго съ разумомъ говорено ни было. Они безпрестанно повторяютъ: *сіи есть божественные писатели; они были способнѣйшія головы, какихъ только могла произвесть натура; а тѣ, которые ихъ хулить хотятъ, сравнены быть съ ними не могутъ.* Великое щастіе, когда они симъ только однимъ доказательствомъ успокоятся, и когда въ такой жаръ не

при-

придутъ, чтобъ не употребить ругательныхъ словъ, для лучшаго утвержденія, что въ одной книгѣ, которой они никогда не читали, и никогда читать не будутъ, нѣтъ никакой ошибки.

Находятся еще и инаго сложенія люди, которые свои рѣшенія съ лучшимъ разсмотреніемъ, однако и съ большимъ самолюбіемъ произносятъ. Сіи думаютъ, что они, не только надсмотрщиками надъ хорошимъ вкусомъ, но и за главныхъ судей надъ всѣмъ тѣмъ, что касается къ разуму, себя почитаютъ. Они вѣрятъ, что не только въ наукахъ имѣютъ преимущественную прозорливость, но состоятъ въ такомъ мнѣніи, что и знаніемъ всѣхъ художествъ обладаютъ, хотя они и никогда наукамъ не учились, а только самое начало въ нихъ учинили. Такіе люди, похищаютъ себѣ власть вѣчныхъ диктаторовъ въ республикѣ ученыхъ. Они ничего не писывали, однако почитаютъ себя за великихъ писателей. Они говорятъ по Гречески, и не умѣютъ по Гречески прочесть ни одного слова. Они дѣлаются Геодезистами, и ни мало не разумѣютъ самыхъ начальныхъ основаній Евклида. Р ссо въ презрядной своей эпиграммѣ изобразилъ ихъ весьма живо, которой эпиграммы содержаніе есть слѣдующее: „Хризологъ даетъ свое мнѣніе на всѣ ве-

„щи:

„ щи: онъ есть истинной Грекъ Ювена-
„ловъ, и всякая ученость подлежитъ къ
„ судейскимъ его кресламъ. Здѣлается
„ споръ о Физикѣ, то Хризологъ есть
„ Физикъ. Хотите ль выговорить о му-
„ зыкѣ, то Хризологъ есть виртуозъ въ
„ музыкѣ. Да что жъ онъ еще больше?
„ Онъ ученой судья всѣхъ художествъ,
„ онъ великой Стихотворецъ, изрядной
„ схоластикъ, астрологъ и грамматикъ.
„ Да все ль уже тутъ? Нѣтъ, не все, онъ
„ еще есть Министръ, Юриспрудентъ,
„ Историкъ, Платоникъ, Картезіанецъ,
„ Софистъ, Риторъ и Ташенпилеръ. Хри-
„ зологъ есть все, однако со всѣмъ тѣмъ
„ онъ есть ничто.„

Нравы, огорчевающіе и досадительные для общества, есть самые несноснѣйшіе тѣмъ, что съ таковыми нравами люди никогда ничего не говорятъ пріятнаго; а когда что и говорятъ, то говорятъ язвительнымъ образомъ; и самые ихъ учтивства имѣютъ въ себѣ нѣчто непріятное и досадное. Ла Бруеръ о такихъ людяхъ, которыхъ въ общежительной жизни за моровую язву почитать должно, весьма разумныя имѣлъ мысли. „У нѣкоторыхъ
„ людей, разсуждаетъ онъ, говорить и
„ обидѣть почитается все за одно. Они
„ язвительны; ихъ способъ разговора смѣ-
„ шанъ съ полынью и желчью; насмѣшки,

„ пре-

„ презрительность и ругательныя слова, „ текутъ изъ рта ихъ какъ слина. Лучше бы для нихъ было, когда бъ они „ родились нѣмы и глупы. Ихъ живость „ и разумъ больше имъ вредитъ нежели „ другимъ глупость. Они не довольствуются „ тѣмъ, чтобъ отвѣтствовали только съ „ нѣкоторою жедчью, но часто доходятъ „ до непристойности; они не щадятъ никого, кто только имъ на языкъ ни попадется, присутственной ли или отсутственной; они спереди и съ боковъ бодутся какъ бараны. Возможно ли жъ „ требовать, чтобъ бараны безъ роговъ были? Такъ властно не возможно надѣяться, чтобъ сіе начертаніе грубыхъ, дикихъ и неученыхъ людей въ состояніи было исправить. Самое лучшее, „ что можно здѣлать, есть сіе, какъ „ скоро такого издали увидишь, то бѣги отъ него изо всѣхъ силъ назадъ „ не оглядываясь „.

Худое сердце также неспособно къ хорошему обществу. Мысли никогда не вкушаютъ истинной пріятности, и не охотно возвышаются, когда бываютъ отъ нихъ въ опасности, предъ кѣмъ оныя изъясняются. Въ состоящее изъ четырехъ или изъ пяти любви достойныхъ персонъ общество, приведи одного только человѣка, котораго худое сердце извѣстно, то тот-

тотчасъ радость въ принужденіе, и веселость въ постоянство перемѣняется. Всякъ боится ядовитаго языка такого человѣка, которой вредитъ честныхъ людей, ищетъ случая, и свое искусство къ тому употребляетъ, чтобъ охуждать добродѣтель, и когда бъ только возможно было, чтобъ честность и достоинство смѣшными дѣлать. Тому статься не возможно, чтобъ въ хорошемъ обществѣ, а хотя бы и въ такомъ, гдѣ исключены веселости, не случались бы какія мѣлочи, то онымъ худое сердце весьма легко худыя разсужденія дѣлать можетъ. Бываютъ такія шутки и издѣвки, которыя между четырьмя или пятью персонами могутъ быть забавны и пріятны, а тѣ жъ самыя, когда войдутъ въ большую толпу людей, то уже весьма иной видъ получаютъ.

Когда злость сердца хорошее общество въ непріятное принужденіе приводитъ, и въ короткое время совершенно бываетъ ему вредно, то также есть ему противны худымъ способомъ употребляемыя издѣвки. Отягощеніе, чтобъ безпрестанно негодныя сумнѣницы, и повторяемые сожалѣнія достойные разговоры слышать, и чтобъ самыя разумнѣйшія вещи, чинимыя смѣшными видѣть, есть столь велико, что честной человѣкъ сносить долго его не можетъ. Онъ боится, да исправедливо,

худыхъ

худыхъ издѣвокъ, столь много, сколь охотникъ къ вину, опасается пить вино невкусное, которое приводитъ кровь въ движеніе, и худой вкусъ во рту оставляетъ.

Я самъ не знаю, кто изъ сихъ двоихъ больше хулы достоинъ: тотъ ли, которой безпрестанно и не въ пристойное время надъ другими издѣвается, или тотъ, которой никакой издѣвки, хотя бы она была учтивая, и не съ намѣреніемъ учинить ему какую досаду, не принимаетъ. Есть такіе безразсудные люди, которые самую малѣйшую издѣвку вмѣняютъ себѣ въ обиду. Они всегда себѣ воображаютъ будто ихъ смѣшными хотятъ дѣлать; и сіи мысли приходятъ имъ отъ малаго ихъ достоинства. Они примѣчаютъ, не смотря на свое самолюбіе, что больше хулы, нежели похвалы достойны; и потому дѣлаютъ они самимъ безвиннѣйшимъ вещамъ худое толкованіе. Мудрой человѣкъ долженъ вступать въ издѣвки только съ такими людьми, которые довольно разуму имѣютъ, чтобъ хорошую и дозволенную издѣвку различать съ худою и злостною.

Иногда по принужденію видитъ человѣкъ людей обращающихся въ дѣтскихъ потѣхахъ которыхъ духъ и тѣло въ безпрестанномъ и сильномъ движеніи бываетъ.

ешъ. Они говорятъ, а что говорятъ, того и сами не знаютъ: они притомъ имѣютъ проницательной голосъ. Когда разсуждать по ихъ крику, то должно думать, будто бы они опасались, что ихъ всѣ дурачества, которыя они цѣлой день болтаютъ, не съ довольнымъ приѣжаніемъ выслушаны будутъ. Они натанцовываютъ, напѣваютъ, насвистываютъ и говорятъ все вдругъ. Они подобны такимъ людямъ, которые уязвлены отъ Тарантули. Однако со всѣмъ тѣмъ ни мало столько они неотягощительны, какъ клеветники, которые кромѣ того, рта своего не отворяютъ, какъ только чтобъ обезчестить то имя, которое имъ на языкъ попадется: не надобно того, для приведенія ихъ ядовитаго языка въ движеніе, чтобъ они того человѣка, о которомъ говорятъ, знали; имъ и того довольно, чтобъ только знать то, что тотъ человѣкъ есть въ свѣтѣ; они приписываютъ всѣ проступки, которыя только имъ злостное ихъ сердце воображаетъ. Совсѣмъ тѣмъ требуютъ они, чтобъ ихъ за разумныхъ людей почитали: однако, въ которое время отъ клеветъ удерживаютъ они свой языкъ, то въ то время принуждены быть скромны и безмолвны. Великое бъ было для нихъ щастіе, когда бъ они тою правдою, которую всѣ искусные люди за

спра-

справедливую почитаютъ, могли быть увѣрены, что чрезъ клевету угодить весьма мало, а чрезъ похвалу быть пріятну, весьма много требуется разума. Тотъ, кто изъ клеветы отправляетъ свое званіе, отъ всякаго разумнаго почитается за такого человѣка, которой посредственной разумъ имѣетъ.

§. IV.

СЪ ЗНАТНЫМИ ЛЮДЬМИ ПРІЯТНОСТЕЙ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВКУШАТЬ НЕ ВОЗМОЖНО.

Почтеніе никогда почти не бываетъ безъ принужденія; а веселость никогда не можетъ состоять въ принужденіи. Рѣдко тѣ пріятности найтись могутъ въ обществѣ знатныхъ людей, которые въ дружескихъ обхожденіяхъ съ приватными персонами бываютъ. Многіе знатные господа себѣ воображаютъ, что прочіе люди для нихъ сотворены. Они отъ тѣхъ людей, которые живутъ съ ними, требуютъ за то благодарности, что полной цѣны ихъ знатности, ихъ великости, ихъ природы, и однимъ словомъ, всей ихъ силы, чувствовать и не попускаютъ. Они состоятъ въ томъ мнѣніи, что весьма обязаннымъ имъ за то быть должно, что въ обществѣ не столько они отяготительны, сколько бъ быть могли. Они почитаютъ себя быть осво-

свободженными отъ того любви достойнаго попеченія, отъ той плѣняющей учтивости, и отъ того прилѣжнаго стараніа, которое между привашными персонами бываетъ, чтобъ чрезъ то угодить своимъ пріятелямъ.

Бывшіе господа заняты только одними большими проектами и тяжелыми предпріятіями, которыя имъ не оставляютъ времени, чтобъ съ обстоятельствами другихъ людей упражняться. Весьма больше они суетятся о томъ, чтобъ достигнуть большихъ честей, нежели въ томъ, что людямъ, которымъ называются они друзьями и покровителями, учинить конецъ ихъ злополучію. Они вырыть какой прудъ, или состроить палаты, предпочитаютъ той чести, чтобъ чье сердце упокоить.

Не одни знатные люди, но и всѣ придворные, къ непріятному обществу, не весьма способны. Ихъ мысли весьма разсѣяны; они имѣютъ чрезъ мѣру наполненную голову честолюбивыми проектами, и къ своему возвышенію столько стараться пріобыкли, что имъ не кажется довольно имѣть времени, чтобъ попускаться въ такія малыя обстоятельства, каковыхъ требуетъ дружеское общество. Знатной человѣкъ и придворной о нещастливомъ человѣкѣ обыкновенно думаютъ, что онъ страдать долженъ; а привашная персона

думаетъ объ немъ, что его утѣшать и вспомоществовать ему должно.

Суета знатныхъ людей есть точнымъ противоположеніемъ хорошему обществу. Они думаютъ, что только одни они во всемъ совершенны. Они состоятъ въ таковомъ мнѣніи, будто разумъ и искусство наслѣдственное ихъ родовое имѣніе. Прочимъ людямъ едва они признаютъ самыя слабыя дарованія; однако самое малое разсужденіе можетъ ихъ вывесть изъ сего заблужденія. Корнелій, Расинъ, Картезій, Гассендъ, Монтанье, Баиле, Лебаюнъ, Суеръ, Пюжетъ, Цирордонъ, Люлліи и Кампрасъ, не были ни Князьями ни Герцогами. Самое лучшее, что мы отъ разума, отъ сердца, отъ глазъ и отъ слышанія, имѣемъ истекло оно не изъ кладезя знатности.

Что обыкновенно у нѣкоторыхъ знатныхъ людей веселое общество называется, оное называть должно непорядочнымъ обществомъ. Тамъ иногда пьютъ чрезвычайно, и не наблюдаютъ ни рѣчей ни поступокъ. Могутъ ли жъ сіи обѣ вещи назваться такими, которыя бъ разумъ и сердце въ удовольствіе приводили? Нѣтъ, первое оное портитъ, а другое опровергаетъ. Самой любви достойнѣйшій человѣкъ изъ всего свѣта, при нравахъ такого вреднаго общества, весьма скоро перемѣнитъ хорошее расположеніе своихъ мыслей.

Однако

Однако нѣтъ никакого правила безъ изъятія; ибо и между знатными людьми есть такіе, которые отъ обыкновенной въ ихъ состояніи преклонности удаляются, и довольно предусматриваютъ, что то богатство, которымъ ихъ щастіе наградило, весьма подлая; нежели то удовольствіе, которое пріятное общество дѣлать имъ можетъ. И для того ищутъ они сами, чтобъ сколько возможно съ нѣкоторыми приватными людьми имъ обходиться. Они довольно примѣчаютъ сіе, что чѣмъ меньше отдаленности будетъ между ими и тѣми людьми, которыхъ они въ дружбу принять желаютъ, тѣмъ больше отъ обхожденія съ ними удовольствія вкушать они будутъ. Чрезъ то ищутъ они вспомоществовать тому препятствію, которое почтеніе, боязливость и опасность, нанесть можетъ, и онѣ дружбѣ жертвуютъ тѣмъ, чѣмъ другіе знатные, неимѣющіе столько, какъ они разума, жертвуютъ; по большей части для нихъ же самихъ вреднымъ славолюбію своему и своенравству. Свирѣпой и величавой видъ столько жъ труденъ для тѣхъ, которые его представляютъ, сколько тягостенъ для оныхъ, которые его сносить должны.

Я въ исторіи примѣтилъ, что не большое число великихъ господъ, которые намъ представлены въ образецъ честности

и добродѣтели, любили пріятности дружескаго общества. Веспасіанъ, Титъ, Маркъ Аврелій и Траянъ, такимъ образомъ съ своими друзьями обходились, будтобы они сами приватные люди были. Во время обхожденія съ ними, позабывали то, что они Кесари были; а когда случилось иногда о томъ имъ вспомнить, то развѣ только для того, чтобъ ихъ одолжить благодѣяніями своими. Принцъ Конде, и нѣкоторые новые герои, послѣдовали вышеписаннымъ приведеннымъ мною древнимъ. Въ наши времена видимъ мы изъ величайшихъ пошентатовъ въ Европѣ, которые пріятности общественной жизни любятъ, и всю подлинную оной цѣну совершено разумѣютъ.

§. V.

О НРАВАХЪ, КОТОРЫЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРИЛИЧНЫ.

Тихой, пріятной и угодительной нравъ, есть существеннымъ качествомъ тѣхъ, которые къ обществу способны. Къ симъ качествамъ присовокупляю я еще иное: оно есть сходство нравовъ, безъ котораго и самыя лучшія мысли недостатокъ претерпѣвать будутъ. Для тѣхъ, съ которыми мы живемъ, которые въ нашей печали участіе имѣютъ, весьма оное непріятно будетъ, когда мы угнѣтающее

тающее насъ безпокойство на нихъ отбрасывать станемъ. Мы за то, что они участниками въ нашихъ припадкахъ становятся, обязаны имъ быть должны, а не чувствовать ихъ допускать такого безпокойства, которое бъ они съ нами дружбы не имѣли. Должно предостерегать, чтобъ наша дружба друзьямъ нашимъ не была въ тягость, и чтобъ тотъ человѣкъ не былъ бы чрезъ то щастливѣе, когда бъ онъ насъ не зналъ и не стоялъ съ нами въ дружбѣ. Нѣкоторый новѣйшій писатель презрядной о семъ далъ совѣтъ: „Ушушай, говоритъ онъ, при„скорбность, которою отягощенъ твой „духъ, и пусть она ни на кого другаго „не упадаетъ„.

Величайшая польза хорошаго общества чрезъ то уничтожиться можетъ, когда кто похочетъ требовать, чтобъ другой кто не изъясняль своихъ точныхъ мыслей; но въ мнѣнїяхъ своихъ, чтобъ конечно былъ съ другими согласенъ, долженъ каждой защищать свое мнѣнїе безъ жару и безъ желчи. Требуетъ того мудрость и искусство, чтобъ снисходить времени. Когда увидишь, что тотъ человѣкъ, съ которымъ повседневное обхожденїе имѣешь, станетъ какую легкомысленную вещь утверждать съ горячностїю, то для чего жъ бы старатьсся от-

крывать ему тотъ проступокъ, которой онъ скрыть старается? Сіе называется то, чтобъ за ни къ чему годную вещь друга своего привесть въ неудовольствіе. Сверьхъ того оное есть противъ учтивства и противъ благопристойности.

Человѣкъ, которой обладаетъ разумомъ, не имѣетъ надобности показываться передъ другими, что онъ въ разумѣ имѣетъ передъ ними преимущество. Онъ не долженъ надъ ними возвышаться, но сколько паче, сколько возможно, снисходить онъ къ нимъ долженъ, и имъ, когда я симъ словомъ могу изъясниться, долженъ чрезъ ту всякую вещь къ понятію легкою дѣлать. Тотъ имѣетъ великой духъ, которой тѣмъ, надъ коими онъ преимуществуетъ въ разумѣ, можетъ удѣлять отъ себя нѣкоторое сіяніе и видъ разума. Сія тайна не многимъ людямъ извѣстна, и только тѣми людьми исполняема быть можетъ, которые свои мысли съ здравымъ разумомъ совокупляютъ. Въ хорошемъ обществѣ должно иногда употреблять нѣкоторой родъ небольшаго принужденія, которое чрезъ другіе способы довольно награждается. Есть нѣкоторыя предосторожности примѣчательства и осмотрительности, которыхъ и въ самомъ искреннемъ обхожденіи презирать не должно. Когда жъ сія

мужика

нужная благопристойность наблюдаема не будетъ, то войдетъ въ общество чрезвычайная вольность, которая наконецъ въ грубость и невѣжество обратится.

§. VI.

КЪ ХОРОШЕМУ И КЪ ХУДОМУ ОБЩЕСТВУ ЖЕНЩИНЫ НЕ НЕСПОСОБНЫ.

Женщины всегда бывали наилучшимъ общества украшеніемъ. Они распространяютъ во ономъ нѣкоторую особливую пріятность, которую удѣлять другимъ, только они одни сильны. Всякой тотъ, которой знаетъ человѣческое сердце, съ сею правдою согласенъ будетъ. „Прекрасная „женщина, говоритъ одинъ нынѣшнихъ „временъ изрядной писатель, которая имѣ„етъ качества честнаго человѣка, дѣлаетъ „драгоцѣннѣйшимъ изъ всего свѣта обхо„жденіе, тѣмъ что въ такой женщинѣ „находятся обоихъ половъ достоинства„.

Я здѣсь не похвалу женскому полу воспѣваю; однако въ томъ не могу не признаться, что не льзя и того опровергнуть, что въ нѣкоторыхъ женщинахъ есть столько жъ духа, разуму и премудрости, сколько и у такихъ мущинъ бываетъ, которые почитаются отъ людей за имѣющихъ великой разумъ и здравое разсужденіе. Женщины точно сотворены для общественной жизни, и безъ нихъ всѣхъ той жизни пріятностей вкушать не возможно.

Душа есть ни мужескаго ни женскаго пóлу: она склоняется кЪ добру или кЪ злу, не смотря на изображенïе того сосуда, вЪ которомЪ она заключена; и для того женщины подвержены тѣмЪ же порокамЪ, которымЪ и мущины; они такЪ же имѣютЪ одинакïя сЪ ними добродѣтели. БываютЪ женщины клеветницы, обманщицы, ревнивыя, жестокïя, мстительныя, непостоянныя и незнающïя. БываютЪ такЪ же и мущины, клеветники, обманщики, ревнивые, жестокïе, мстительные, непостоянные и незнающïе.

И такЪ надлежитЪ сыскивать у тѣхЪ женщинЪ таковыхЪ же качествЪ, какЪ и у мущинЪ, сЪ которыми вЪ дружбѣ жить желаешь. РѣдкО сыскать можно прïятнаго, учтиваго, дружелюбнаго, услужливаго и добродѣтельнаго мущину, такожЪ рѣдко сыскать можно прïятную, учтивую, дружелюбную, услужливую и добродѣтельную женщину.

Древнïе великую похвалу приписали одному нѣкоторому отвѣту, которой далЪ СофоклЪ вЪ разсужденïи обхожденïя его сЪ женскимЪ поломЪ. Я долженЪ справедливо признаться, что по моему мнѣнïю тотЪ отвѣтЪ той чести, которую ему приписали, не кажется быть достоинЪ. СпрашиваяЪ нѣкто его славнаго стихотворца, ужѣ ли онЪ больше не обхо-

дится

дится съ женскимъ поломъ? „Сохрани „меня Богъ, отвѣтствовалъ онъ, я сіе иго, „которое съ игомъ варварскаго и свирѣп„ствующаго господина равняется, да все „уже низвергнулъ „. О семъ отвѣтѣ наимѣренъ я два весьма натуральныя примѣчанія здѣлать: Первое то, что Софоклъ конечно съ необходительными женщинами обращался, потому что сравниваетъ онъ ихъ съ варварскимъ и свирѣпствующимъ господиномъ; второе состоитъ въ томъ, что сіе есть лживо, чтобъ обхожденіе съ любви достойнѣйшими женщинами игомъ могло называться. Колми паче оно есть средствомъ, чтобъ сносить тягость того ига, которому мы подвержены быть можемъ тѣмъ, что хорошее общество мыслямъ нашимъ противо всѣхъ чувствуемыхъ нами отягощеній, даетъ утѣшеніе и прибѣжище. Какой же разумной человѣкъ въ обхожденіи съ добродѣтельною женщиною, которой онъ угодить старается, всѣхъ своихъ прискорбностей не позабываетъ? Впрочемъ нѣтъ въ томъ нужды, хотя бы сіе обхожденіе и не любовь за основаніе имѣло. Къ тому довольно и того, что называется, веселое качество, замысловатыя издѣвки, а притомъ разумныя и учтивыя поступки.

Любви достойныя женщины имѣютъ въ ихъ духѣ нѣкоторое пріятное бытіе, ко-

тораго мущины никогда имѣть не могутъ. Мущины всегда меньше учтивы и пріятны, а что больше могу сказать, меньше нѣжны и плѣняющіе, нежели женщины.

Иногда надобно имѣть въ общественной жизни постоянную и великую дүшу. Сіи качества для того надобны, чтобъ щастіе тѣхъ людей, съ которыми живемъ мы въ тѣсномъ обязательствѣ, удержать или исправить. И въ такомъ случаѣ отъ нѣкоторыхъ женщинъ столько жъ бываетъ пóмощи, какъ и отъ мущинъ. Онѣ обо всемъ томъ, что ихъ друзьямъ полезно, съ крайнѣйшею ревностію стараются, и часто оказываютъ имъ чрезъ то лучшія услуги, нежели бъ каковыхъ онѣ отъ благопріятствующихъ имъ мущинъ ожидать могли.

Впрочемъ не льзя отрицаться, чтобъ женщины истинной славы не любили. Исторіи наполнены многими отъ нихъ чинимыми господственными дѣлами. Карѳагенскія и Римскія женщины, во время приключившагося ихъ республикамъ нещастія, чрезъ свою ревность, славными себя учинили. Нашимъ нынѣшнимъ женщинамъ не достаетъ только подобнаго тому случаю, каковой древніе имѣли. Наши времена не хуже прошедшихъ, а можетъ быть, въ нынѣшнее время разумѣемъ мы великость вещей больше, нежели какъ прежде ея знали. Древніе часто жестокость за постоян-

стоянство, суровость за правосудіе, необузданность, за истинную храбрость, и грубіянство за натуральное и непритворное качество почитали.

§. VII.

О НУЖНОСТИ ОБЩЕСТВА.

Мы родились для того, чтобъ жить намъ на свѣтѣ. Уединеніе есть такое состояніе, которое намъ ненатурально. Люди между собою сами себя лишиться не могутъ. Они должны искать своего убѣжища въ обществѣ, и чрезъ то укрыться отъ безпокойства, происходящаго отъ нѣкоторой пустоты, которую мы сами въ себѣ примѣчаемъ, а наполнить ея сами чрезъ себя не можемъ. Нелюдимы, которые гнушаются обхожденіемъ съ людьми, не могутъ отъ того удержаться, чтобъ не изыскивать кого, предъ кѣмъ бы излить с ою желчь, и испустить свой ядъ въ состояніи были. Сіе есть доказательнымъ опытомъ, что человѣческая натура ничего такъ, какъ похищенія общественной жизни снесть не можетъ. Она подобна древесамъ, которыя подчищиваны быть должны; а таковое подчищиваніе нигдѣ инде не бываетъ, какъ только въ общественной жизни.

Всѣ тѣ вещи, которыхъ мы въ нашей жизни желать можемъ, имѣютъ свои поль-

пользы; однако всякая вещь не имѣетъ больше, какъ только одну пользу. Богатства служатъ намъ къ прожитку и разходу; чести, знатности и достоинства приносятъ намъ почтеніе; дѣла нашего разума приносятъ намъ похвалу; однимъ словомъ, все то, что есть драгоцѣнно, приводитъ насъ въ удовольствію; здоровье сохраняетъ насъ отъ болѣзни; а одно только общество есть для всего добромъ общимъ. Въ какомъ бы мы состоянїи ни были, или въ какомъ бы мѣстѣ ни жили, то имѣемъ мы отъ него пользу; оно къ нашему благополучію потребно, и въ какихъ бы мы обстоятельствахъ ни находились, однако оно никогда не бываетъ намъ отяготительно.

Натура сама любовь къ общественной жизни въ сердце человѣческое впечатлѣла. Сію любовь дала она намъ вмѣсто узъ, которые насъ одного съ другимъ связываютъ, и чтобъ вспомоществовалъ одинъ другому, дѣлаютъ къ тому склонными. Тѣ, которые побужденія натуры разумнымъ способомъ умѣютъ употреблять въ пользу, не довольствуются просто тѣмъ всеобщимъ обществомъ, которое учреждено между всѣми людьми, и которое распространяется безконечно. Они учреждаютъ для себя особливыя общества, отъ которыхъ весьма важныя преимущества получаютъ. Бываютъ такіе печальные

нравы,

нравы, которые себѣ воображаютъ, что человѣкъ, отлученной отъ общества всѣхъ людей, истинно благополученъ быть можетъ. Однако они проводятся отъ сумрачной воображенія ихъ силы. Они сами, когда кажутся, что убѣгаютъ всего обхожденія съ свѣтомъ, скоро отъ печали снѣдены будутъ, когда совершенно всякаго общества лишатся. Сію истинну утверждаетъ чрезъ свою знатность одинъ изъ величайшихъ духовъ въ древности. „Представимъ мы себѣ, говоритъ Цицеронъ, „что боги нѣкоторато человѣка въ неимѣющую выхода пустыню заключили, и „что сей Богъ все, чего бъ только ни требовала натура, ему далъ бы, однако „никакого бъ средства и никакой бы надежды, чтобъ видѣть ему когда другаго человѣка, не оставилъ. Я утверждаю, что никто, въ таковой жизни прожить не можетъ быть въ состояніи, „и что ужасное уединеніе, всѣхъ тѣхъ „удовольствій, которыя бъ его окружали, „чувствовать ему не допустило бъ. И „потому сіе совершенно справедливо, что „Архитъ Тарентинской какъ то отцы „наши слыша отъ своихъ отцовъ, намъ „говорили, обыкъ сказывать: что человѣкъ, которой посаженъ былъ бы на „небо, откуда нескверненной театръ свѣта „и натуры разсматривалъ бы по своей во-

„лѣ,

„ѣ, и все сіяніе и прекрасность небе-
„сныхъ тѣлъ примѣчать возмогъ бы, од-
„нако симъ удовольствіемъ, когда бъ онъ
„былъ только одинъ, мало былъ бы тро-
„нутъ; напротивъ того, когда бъ онъ
„имѣлъ съ кѣмъ имѣть обхожденіе, оное
„все несказанно было бъ ему пріятно„.

Можетъ быть, кто нибудь сказать похочетъ, монахи, Картузы, и монахи де ла Трапе совершенно есть благополучны и отрекались всякаго общества. Я на сіе отвѣтствую, что монахи де ла Трапе весь день бываютъ вмѣстѣ, работаютъ вмѣстѣ, и съ надзирателми ихъ разговоры имѣютъ. А Картузіанскіе монахи имѣютъ въ каждомъ дни одинъ часъ, а въ каждой недѣлѣ одинъ день, въ которой между собою разговаривать и обращаться могутъ. Сіи общества сколько они ни принуждены, однако всегда есть обществами. Законъ награждаетъ то, что можетъ дѣлать ихъ общество жѣскимъ; а притомъ пріятныя и богобоязненныя утѣшенія, которыя ихъ начальники подаютъ имъ часто, то принужденіе исправляютъ, которое ихъ къ обхожденію съ другими принуждаетъ. Однако, когда бъ не благодать, укрѣпляющая въ ихъ состояніи была такъ сильна, то бъ не смотря на все, нѣкоторые изъ сихъ затворниковъ, здравой бы свой разумъ отъ того потеряли. Одинъ

изъ лучшихъ Французскихъ Стихотворцовъ весьма разумно сказалъ въ одной своей замысловатой скаскѣ: „что разумъ у заключенныхъ людей обыкновенно не долго „жительство имѣетъ. Хорошо есть говорить, а еще и лучше того молчать: „однако оное обое, какъ скоро съ изли„шествомъ переступлено будетъ, то здѣ„лается худымъ„.

§. VIII.

О СРЕДСТВАХЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО ИЗЫСКАТЬ МОЖНО.

Сіе есть весьма натурально, что легче въ большихъ, нежели въ малыхъ городахъ пристойное для насъ общество сыскать можно. Въ большомъ числѣ людей легче то получается, чего въ маломъ числѣ сыскать не возможно. И когда хорошее общество требуетъ согласія нравовъ, то случается иногда, что между малымъ числомъ людей не льзя сыскать такого человѣка, котораго бъ нравъ и мысли съ нашими совершенно были сходны. Однако сей неспособности чрезъ то вспомоществовать можно, чтобъ съ склонностями тѣхъ людей, съ которыми часто обходиться желаешь, приводить въ сходство свои склонности, и такимъ способомъ награждать то чрезъ самаго себя, чего не достаетъ въ нихъ. Не можетъ весь свѣтъ

таковъ ученъ быть какъ Меранъ, таковъ остроуменъ, какъ Фонтенель, таковъ любви достоинъ, какъ Кребиль младшій, таковъ просвѣщенъ, какъ Аламбертъ, таковъ проницателенъ какъ Фреронъ, таковъ краснорѣчивъ, какъ Раиналдъ и таковъ искусенъ, какъ Фалконетъ. Разумной человѣкъ будетъ чрезъ то неблагополученъ, когда не станетъ вступать въ обязательства съ такими людьми, которые совершенныхъ достоинствъ хотя и не имѣютъ. Онъ часто претерпѣвать будетъ опасность, чтобъ не лишиться всякаго общества. Когда жъ угожденіе есть душею хорошаго общества, то долженъ такой человѣкъ, которой предъ другими преимущественныя дарованія имѣетъ, оныя употреблять къ тому, чтобъ онъ тѣхъ честныхъ людей, съ которыми обходиться намѣревается, приводилъ передъ другими въ нѣкоторое уваженіе.

Во всѣхъ городахъ, гдѣ я ни былъ, видѣлъ я нѣкоторое число людей любви достойныхъ: правда, иногда было оно мало, однако, къ составленію пріятнаго общества, всегда оно было довольно велико. Воображаютъ себѣ во Франціи, а особливо въ Парижѣ, что въ чужестранныхъ земляхъ пріятнымъ образомъ жить не возможно. Однако сіе есть превеликое заблужденіе. Въ Туринѣ, въ Берлинѣ, въ Гагѣ

и въ прочихъ разныхъ мѣстахъ, вольнымъ, пристойнымъ, и изряднымъ живутъ способомъ. Не много во Франціи такихъ городовъ, гдѣ бъ столь любви достойныхъ женщинъ сыскать можно, какъ въ Берлинѣ. Многіе изъ нихъ имѣютъ столько жъ въ себѣ живости и веселаго качества, однако всегда больше читательницы книгъ, нежели Француженки.

Когда кто свой нравъ пріучитъ, чтобъ ко всему былъ пригоденъ, то всеконечно во всѣхъ мѣстахъ пріятное общество собрать можетъ, когда только похочетъ принять трудъ, чтобъ чрезъ нѣсколько времени изслѣдовать тѣхъ людей расположенія мыслей, съ которыми намѣренъ обходиться. Остроумной Овидій услаждалъ свою печаль претерпѣваемую имъ въ его ссылкѣ чрезъ обхожденіе съ нѣкоторыми Паннонцами, которыхъ онъ самъ обходительными здѣлалъ, и которые ему много услугъ оказали. Не было ль же бъ сіе крайнѣ удивительно, чтобъ того, что онъ сыскалъ между народомъ варварскимъ, не могли бъ мы сыскать между обходительнымъ народомъ?

Сіе разсужденіе хочу я заключить однимъ примѣчаніемъ, которое мнѣ кажется, можетъ быть, полезно. Бываютъ многіе такіе люди, которые безъ разсмотренія и изслѣдованія вступаютъ въ обязатель-

ства съ такими людьми, которыхъ почти не знаютъ. Они имѣютъ причину послѣ о томъ приносить жалобы, и негодовать на общество. Однако таковые люди должны сами на себя имѣть досаду. Они должны предпріять въ разсужденіе, что надлежитъ узнать прежде человѣка, покуда его любить станешь, и что ни съ какимъ человѣкомъ, котораго незнакомы нравы, въ тѣсное обязательство вступать не должно. Столько жъ о честности и мудрости такого человѣка, съ которымъ обходиться хочешь, должно быть увѣрену, сколько и объ удовольствіи чрезъ хорошее общество: потому что сіи обѣ вещи всегда бываютъ съ собою нераздѣльны. Ла Фонтенъ совершенно имѣетъ справедливость, когда говоритъ: „что ничто такъ „непрошивно, какъ глупой другъ, и что „разумной недругъ есть отъ него лучше„.

КОНЕЦЪ.

Гос. Публичная Библиотека

769 дня 11 дня 50
декабря 30 января

CH-11/13-St.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ.
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

Г. П. Б.
РЗФ- 1
18 век. 320
№ св. кат.